

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра английского языка и литературы

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(АВТОРЕФЕРАТ)**

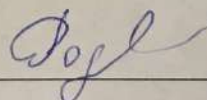
На тему Лингвокогнитивные особенности перевода с английского языка на русский
(на примере текстов юридической тематики)

Исполнитель Федоренко Анна Петровна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель д.ф.н. профессор
(ученая степень, ученое звание)

Пименова Марина Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой
к.ф.н., доцент
(ученая степень, ученое звание)

Родичева Анна Анатольевна
(фамилия, имя, отчество)

«17» 02 2020г.

Санкт-Петербург

2021

Содержание

Введение	3
Глава 1. Современные тенденции перевода в XXI веке	5
1.1. Новые подходы переводоведения	5
1.2. Искусственный интеллект в переводе.....	8
Глава 2. Когнитивные особенности перевода	11
2.1. Когнитивный аспект перевода	11
2.2. Переводческие соответствия и трансформации	14
Глава 3. Юридические тексты и их метаязык	28
Глава 4. Перевод юридических текстов с английского языка на русский..	56
4.1. Метафора в юридическом дискурсе: приемы перевода	56
4.2. Основные задачи и коллизии современной правовой лингвистики.....	64
Заключение.....	76
Список использованной литературы	79

Введение

Актуальность темы. Перевод это вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста (оригинала) передается на другой язык путем создания на этом языке информационно и коммуникативно равноценного текста. Язык права подразумевает специализированность лексики. При переводе юридических документов нужно учесть существенную разницу в законодательствах стран, специфики русского и английского юридического дискурса. Перевод юридических текстов сложный многоступенчатый процесс, при котором от переводчика требуется применить ту переводческую трансформацию, которая сделает перевод наиболее адекватным.

Интерес к проблеме переводческих трансформаций со стороны лингвистов и их всестороннее изучение являются в курсе теории и практики перевода уже традиционными. Такие широко известные лингвисты, как А. Д. Швейцер, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.В. Федоров, Е.В. Бреус и многие другие посвятили исследованию переводческих трансформаций свои многочисленные статьи и монографии.

Юридический перевод – это перевод текстов, относящихся к области права и используемых для обмена юридической информацией между людьми, говорящими на разных языках.

Объектом исследования являются лингвокогнитивные особенности перевода с английского языка на русский (на примере текстов юридической тематики).

Предмет – особенности перевода текстов юридической тематики.

Целью настоящей работы является выявление и изучение лингвокогнитивных особенностей перевода с английского языка на русский (на примере текстов юридической тематики).

Достижение цели работы предполагает выполнение следующих задач:

- рассмотреть новые подходы переводоведения;
- изучить искусственный интеллект в переводе;
- проанализировать когнитивный аспект перевода;
- рассмотреть переводческие соответствия и трансформации;
- изучить юридические тексты и их метаязык;
- рассмотреть метафору в юридическом дискурсе: приемы перевода;
- определить основные задачи и коллизии современной правовой лингвистики.

Теоретическую основу настоящего исследования в области перевода юридических текстов составляют труды Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, Т.Р. Левицкой и А.М. Фитерман, М. Г. Гамзатов, С.В. Власенко.

Научная новизна обусловлена тем, что в отличие от проблем перевода, существует определенный пробел на стыке языкознания и правовых наук, поскольку нет должного взаимодействия между специалистами в данных областях. Исследованиям в области юрислингвистики посвящены работы Н.Н. Ивакиной, Т.В. Усковой, Л.Р. Вартановой, Е.В. Щепотиной.

Практическая значимость работы определена потенциалом применения полученных данных в практической деятельности переводчиков, а также в курсах лекций в ВУЗах по теории и практике перевода.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Современные тенденции перевода в XXI веке

1.1. Новые подходы переводоведения

В настоящее время перевод принято рассматривать не только в лингвистическом аспекте, но и как феномен коммуникации. Такой подход позволяет включить в рамки изучения наибольшее количество компонентов, составляющих этот процесс.

Психолингвистическая модель перевода – это модель перевода, основанная на психолингвистическом подходе к процессу перевода, в основе которого лежит понимание перевода как речемыслительной деятельности.

Перевод - это сложный процесс передачи информации с одного языка на другой. Главной проблемой является передача смысла оригинала текста, который хотел донести автор своему читателю. Это не всегда легко выполнить, так как не все понятия, существующие в языке оригинала, содержатся в языке перевода.

Рассмотрение проблемы перевода в рамках лингвистики на сегодняшний день является особенно актуальным. Все большей популярностью пользуются интеллектуальные системы перевода. Перевод сегодня не совершенен и при работе с ним возникают различные проблемы. Поэтому, на наш взгляд, необходимо более подробное исследование этой проблемы в других аспектах, в частности, в психолингвистическом, с целью обнаружения и разрешения данных трудностей.

Перевод, как один из видов языковой деятельности, представляет собой процесс адекватной и полноценной передачи мыслей, высказанных на одном языке, средствами другого языка.

Так, с помощью перевода возник новый способ передачи информации и самого процесса перевода, который обычно проходит скрыто и не проанализирован в деталях.

На сегодняшний день исследования в области переводоведения представляют большой интерес. Это обусловлено тем, что даже при его несовершенстве от него можно получить большую пользу. Данная тема исследования является актуальной, в современных условиях обусловлена высокой степенью глобализации и мировой интеграции, особенно активно происходящей в социокультурном пространстве.

Труд переводчика в настоящее время высоко востребован. Исследование психолингвистических аспектов перевода является перспективным направлением современной науки, имеющим как общетеоретическое, так и прикладное значение.

В настоящее время в сфере информационных технологий появляются различные программы автоматического перевода, доступные большому числу пользователей и предназначенные для достижения разных целей. В этой связи предпринятое нами исследование является, несомненно, актуальным.

Изучение проблем переводоведения с точки зрения традиционных подходов достигло значительных успехов. Однако наличие ряда вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения, а также популярность исследований интегративного характера на современном этапе развития лингвистической науки обусловило специфику цели и задач нашей работы.

Многие специалисты, которые ведут исследования в разных областях науки, имеют дело с проблемами переводоведения. Например, лингвистика, информатика, математика, логика, история, философия и т.д.

Классификацию систем переводоведения можно произвести по разным характеристикам [6, с.78]. Можно выделять системы:

- по количеству языков (бинарные - осуществляют перевод в одной паре языков, и многоязычные - работают с несколькими языками);
- по направленности перевода (однонаправленные и многонаправленные, если целевой язык и язык-источник могут меняться местами в зависимости от требований пользователя).

Полностью автоматизированный перевод через компьютер без участия человека как такового. Это означает, что компьютер полностью обрабатывает текст и выводит его на другом языке. Минус данного перевода заключается в том, что текст может иметь лексические и грамматические ошибки.

Автоматизированный перевод при участии человека вполне осуществим. Говоря о данном переводе, редактирование осуществляется человеком до и после обработки компьютером. Переводчики изменяют текст, чтобы он был понятным. После того, как компьютер сделал перевод, далее его редактирует переводчик для того, чтобы он был правильным на выходе. Переводоведение с помощью человека обычно применяется к текстам с ограниченным вокабуляром и узкой тематикой.

При подходе, перевод, осуществляемый человеком с использованием компьютера, человек ставится в центр перевода. Он может вносить изменения в текст перевода, при этом используя различные словари. Перевод получается более качественным и правильным.

И в том переводчику может помочь система, которая называется (Translation Memory) (ТМ). Эта система представляет базу данных пар эквивалентных частей текста на языке оригинала и перевода с возможностью их поиска, и редактирования, что позволяет улучшить творческий потенциал переводчика.

Машинный перевод – это процесс преобразования информации на одном языке, в информацию на другом, являющуюся смысловым эквивалентом входной информации. Область изучения научных исследований, предназначена для создания систем, реализующих сам процесс перевода, осуществляемый с помощью компьютера.

Переводоведение изучается традиционной лингвистикой, кибернетикой, математикой и т.д. Однако важная роль в научном описании принадлежит структурной и компьютерной лингвистике.

Ни одна из существующих разработок не способна переводить, как человек. Все программы автоматизированного перевода работают на основе своих баз данных, в которые введены десятки и сотни самых разнообразных словарей. Но в текстах есть бесчисленное множество нюансов, перевод которых автоматизировать невозможно. Юмор, намеки, интонации, все, что можно и нужно «между строк» – ни одной программе это не под силу.

В завершение хотелось бы сказать, что уже данный уровень перевода и динамика развития отрасли позволяют с оптимизмом смотреть на будущее данного направления.

1.2. Искусственный интеллект в переводе

Когда мы говорим об искусственном интеллекте в области переводов, нам представляется «умная машина», которая самостоятельно переводит с одного языка на другой огромные массивы текста, не уставая и не ошибаясь. Именно эту цель ставили перед собой разработчики в середине XX века, но уже в XXI веке фокус сместился, и теперь они трудятся не над машиной, способной заменить человека, а над машиной, способной помочь человеку.

Еще в 50-е годы прошлого века разработчики машинного перевода ставили перед собой амбициозную цель создать переводческую систему, которая полностью заменила бы человека. Они верили, что благодаря компьютерной программе им удастся превратить перевод в быстрый и идеально отстроенный процесс. Ведь человеку свойственно ошибаться, а машине - нет.

После неудачных попыток создать идеального «электронного переводчика» разработчики стали работать над новой задачей: не заменить

живого человека, а помочь ему. Так появились первые программы автоматизированного перевода - CAT-инструменты.

Главное отличие автоматизированного перевода от машинного - в том, что в его основе лежит технология сохранения и переиспользования выполненных ранее переводов - TranslationMemory (TM). Она запоминает часть текста на одном языке и его перевод.

Благодаря такому эффективному использованию память переводов повышает скорость работы переводчика и на 40% сокращает затраты на перевод. Кроме баз памяти TM также использует цифровые аналоги стандартных ресурсов переводчика - словари и глоссарии, к примеру. Гораздо удобнее искать нужный термин непосредственно в своем рабочем инструменте, чем доставать книгу с полки (или открывать новую вкладку в браузере).

Главной целью использования подобных программ является ускорение процесса перевода и повышение его качества. Под качеством в данном случае мы имеем в виду в том числе сохранение единообразия текста. Никому не хочется, чтобы в переводе один и тот же документ называли то «договор», то «контакт».

В основе первых систем машинного перевода лежали словари и правила, которые и определяли качество перевода. Профессиональные лингвисты годами работали над тем, чтобы вывести всё более подробные ручные правила. Работа эта была столь трудоемкой, что серьезное внимание уделялось лишь наиболее популярным парам языков, но даже в рамках них машины справлялись плохо. Живой язык – очень сложная система, которая плохо подчиняется правилам. Ещё сложнее описать правилами соответствия двух языков.

Единственный способ машине постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям - это учиться самостоятельно на большом количестве параллельных текстов: одинаковые по смыслу, но написаны на разных языках. В этом заключается статистический подход к машинному

переводу. Компьютер сравнивает параллельные тексты и самостоятельно выявляет закономерности.

У статистического переводчика есть как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, он хорошо запоминает редкие и сложные слова и фразы. Если они встречались в параллельных текстах, переводчик запомнит их и впредь будет переводить правильно.

С другой стороны, результат перевода бывает похож на собранный пазл: общая картина вроде бы понятна, но если присмотреться, то видно, что она составлена из отдельных кусочков. Причина в том, что переводчик представляет отдельные слова в виде идентификаторов, которые никак не отражают взаимосвязи между ними. Это не соответствует тому, как люди воспринимают язык, когда слова определяются тем, как они используются, как соотносятся с другими словами и чем отличаются от них.

Решить эту проблему помогают нейронные сети. Векторное представление слов (wordembedding), применяемое в нейронном машинном переводе, как правило, сопоставляет каждому слову вектор длиной в несколько сотен чисел.

На основании изложенного, представляется возможным сделать следующие выводы: о системах голосового перевода в реальном времени, которые непосредственно связаны с письменным переводом (к нему добавлено распознавание речи). Они уже работают и показывают вполне удовлетворительные результаты, например, в Skype и некоторых других онлайн сервисах. К их работе, конечно, пока можно придраться, но стандартные разговорные фразы они переводят отлично. Сегодня благодаря нейронным самообучающимся системам мы видим, как мир меняется на наших глазах, и не только компьютерный мир.

Глава 2. Когнитивные особенности перевода

2.1. Когнитивный аспект перевода

В рамках когнитивной парадигмы современного языкознания особый интерес представляют когнитивные аспекты языковой, речевой, переводческой деятельности [11, с.90]. Данная глава посвящена анализу когнитивных механизмов перевода фразеологических средств оценки профессиональной деятельности.

Вслед за Л.В. Кушниной мы рассматриваем перевод как «вид языкового, культурного, личностного взаимодействия, возникающего в переводческом пространстве текста оригинала в процессе отражения системы гетерогенных эксплицитно-имплицитных смыслов в сознании переводчика, что обуславливает динамику, синергию, гармонизацию смыслов; а результатом данного процесса становится такой текст перевода, который естественным образом вписывается в принимающую социокультурную среду, обеспечивая взаимопонимание коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам» [2, с. 18].

Качественный или гармоничный перевод текста означает, что «смыслы исходного и производного текстов соразмерны, соотносимы друг с другом, а текст перевода воспринимается реципиентами столь же естественно, как текст на родном языке» [1, с. 85].

Рассмотрим когнитивную составляющую перевода фразеологических единиц (далее – ФЕ), отражающих оценку профессиональной деятельности, на материале «Словаря английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности» (составители: Бабушкина О.Н., Голованова Е.И., 2012) [3].

Мы склонны использовать здесь термин «трансфер», перенося вслед за В.З. Демьянковым «центр тяжести с понятия “значение” на понятие “знание”» [4, с. 7].

«Знание – принадлежность человека, то, что человек знает. Субъектом трансфера знаний является человек, иногда очень конкретный носитель этих знаний. В противоположность этому перенос значения осуществляется как бы “сам по себе”... переносное значение – предприятие “безличное”, псевдосубъектом этого переноса является знак, получающий это переносное значение и существующий как бы отдельно от человека» [4].

Рассмотрим специфику перевода юридических текстов с точки зрения грамматики и синтаксиса. Выделяют следующие виды грамматических трансформаций: изменение порядка слов, изменение структуры предложения (полное и частичное), замена частей речи и членов предложения [8, с. 48].

Необходимость изменения порядка слов при переводе зависит в какой-то степени от артикля [2, с. 113].

Неопределенный артикль подразумевает наличие новой информации, следовательно, место смыслового центра русского и английского предложений не совпадает, что вызывает необходимость изменения порядка слов при переводе [5, с. 100]: There are three basic propositions underlying the American federal system. – ‘В основе федеративного устройства США лежат три базовые идеи’. Также значительной перестройки английского предложения требует перевод однородных членов с различным управлением. В отличие от русского языка, двойное управление является неотъемлемой частью грамматики английского языка [4, с. 71].

Решающим фактором при переводе на русский язык двойного управления во всех его разнообразных формах является управление в русском языке: The Client shall deposit such amounts in foreign currency on his Account with the Bank as may be brought into, transferred or sent to the Russian Federation from abroad or obtained on the Russian Federation’s territory pursuant to the law in force. – ‘Клиент хранит на счете в банке

денежные средства в иностранной валюте, ввезенные, переведенные или пересланные в Российскую Федерацию из-за границы или приобретенные в соответствии с действующим законодательством' [5, с. 101].

Вследствие свойственной английскому языку лаконичности, при переводе на русский язык часто возникает необходимость в добавлении слов. Случаи опущения слов при переводе наблюдаются гораздо реже [3, с. 162]: Under contract law, there is no contract if there is no consideration. – 'В рамках договорного права договор не может существовать без встречного удовлетворения'. [5, с. 101].

К грамматическим трансформациям также относят синтаксическое уподобление, членение предложения, объединение предложений, грамматические замены [7, с. 172].

Синтаксическое уподобление – способ, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ.

Например: Paragraph does not apply to a payment, repayment, purchase, redemption, defeasance or discharge which is a Permitted Payment or is permitted under the Intercreditor Agreement. – 'Параграф не применяется к оплате, погашению, досрочному погашению, покупке, возмещению, аннулированию или погашению, которые являются Разрешенным платежом или разрешены по Соглашению между кредиторами'.

Синтаксическое уподобление сопровождается некоторыми изменениями структурных компонентов (опущение артиклей, глаголов-связок, изменение морфологических форм), однако на структуру самого предложения это не влияет, так как сохраняется одинаковый набор членов предложения и последовательность их расположения в тексте [6, с. 95].

2.2. Переводческие соответствия и трансформации

Одной из характерных отличительных черт современного языкознания является стремление ученых-лингвистов к изучению проблем, возникающих при лингвистическом анализе переводов. Данным проблемам посвящено огромное количество различных научных трудов, монографий, докладов и научных статей. Неоценимый вклад в развитие лингвистической теории перевода внесли такие известные научные деятели как О. Кадэ, Ю. Найда, А. Нойберт, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров и многие другие.

Профессор Б.А. Ларин писал: «Всякий перевод должен начинаться с филологического анализа текста, сделанного во всеоружии лингвистической подготовки, и завершаться литературным творчеством».

В ходе развития такой науки, как теория перевода, были выявлены некоторые закономерности при решении переводческих задач, которые в свою очередь сформировались в определенные модели и принципы перевода, позволившие «хотя бы частично объективировать интуицию переводчика и подкрепить ее данными лингвистического анализа». Несмотря на то, что любая модель перевода носит исключительно условный характер, поскольку не отражает действительных манипуляций переводчика, с их помощью можно довольно подробно описать логическую последовательность действий, используемых при переводе конкретного текста.

В юридических текстах часто встречаются пассивные конструкции. Перевод предложений с глаголом-сказуемым в страдательном залоге часто требует изменения конструкции, так как в английском языке пассивные конструкции могут употребляться иначе, чем в русском [5, с. 103].

Даже в тех случаях, когда английскому глаголу в пассивной форме соответствует русский переходный глагол, страдательный залог часто

заменяется действительным по стилистическим соображениям или для того, чтобы в русском языке передать смысловое или логическое ударение английского предложения [3, с. 163].

Русский язык, позволяет выделить смысловой центр за счет использования более гибкого порядка слов и, чаще всего, порядок слов будет обратным: второстепенные члены, сказуемое, подлежащее.

Наличие определенного артикля перед подлежащим показывает, что подлежащее не несет новой информации, следовательно, смысловой центр стоит в конце предложения. В этом случае порядок слов при переводе не меняется, так как место смыслового центра в английском и русском предложениях совпадает.

Неопределенный артикль подразумевает наличие новой информации, следовательно, место смыслового центра русского и английского предложений не совпадает, что вызывает необходимость изменения порядка слов при переводе. The present Agreement shall come into effect from the date hereof and its validity term shall not be defined. Настоящий договор вступает в силу со дня подписания его Сторонами и действует в течение неопределенного срока. It takes a contract to create an obligation; it takes another contract to modify an existing obligation and yet a third contract to terminate an on-going contract.

Для создания обязательства необходим один договор, для внесения изменений в уже существующее обязательство требуется другой договор, для аннулирования действующего договора требуется третий договор. There are three basic propositions underlying the American federal system. В основе федеративного устройства США лежат три базовые идеи. It is a fundamental principle of the Constitution of the Russian Federation that the only sovereignty is that of the Russian Federation itself, so that the subjects of the Russian Federation do not possess any kind of sovereignty whatsoever.

Одним из фундаментальных принципов Конституции Российской Федерации является то, что суверенитетом обладает только сама

Российская Федерация, в связи с чем субъекты РФ не имеют какого бы то ни было суверенитета. There are four essential elements of a valid contract: capacity of the parties, meeting of the minds, consideration and legality of subject matter.

Для заключения действительного договора необходимо наличие четырех элементов, а именно: правоспособность сторон, совпадение волеизъявлений, встречное удовлетворение и законность предмета договора. Перевод однородных членов с различным управлением требует значительной перестройки английского предложения. В отличие от русского языка двойное управление является неотъемлемой частью грамматики английского языка.

Решающим фактором при переводе на русский язык двойного управления во всех его разнообразных формах (глагол, существительное или прилагательное, управляющие двумя или более дополнениями или определениями с разными предлогами или без них, однородные члены предложения, управляющих одним дополнением или определением с разным управлением) является управление в русском языке. The Client shall deposit such amounts in foreign currency on his Account with the Bank as may be brought into, transferred or sent to the Russian Federation from abroad or obtained on the Russian Federation's territory pursuant to the law in force.

Клиент хранит на счете в банке денежные средства в иностранной валюте, ввезенные, переведенные или пересланные в Российскую Федерацию из-за границы или приобретенные в соответствии с действующим законодательством. All payments of obligations shall be made free and clear of, without deduction by reason of, any taxes, duties, assessments, withholdings, retentions or other similar charges whatsoever imposed, levied, collected, withheld or assessed by any jurisdiction or any agency or taxing authority thereof or therein.

Все платежи обязательств производятся без вычетов в счет уплаты каких-либо налогов, пошлин, сборов, удержаний или иных аналогичных

платежей, налагаемых, взимаемых, взыскиваемых, удерживаемых или начисляемых в любой юрисдикции, любым ведомством или налоговым органом в такой юрисдикции.

Более широкое использование существительных. An external manager is authorized to conserve the debtor's estate, monitor the activities of the debtor's management, equally distribute debtor's assets among its creditors in case of the liquidation of the debtor and terminate the bankruptcy case. В число полномочий внешнего управляющего входят: обеспечение сохранности имущества компании-должника, наблюдение за деятельностью руководства такого предприятия, соразмерное распределения имущества должника между его кредиторами в случае ликвидации или прекращения дела о банкротстве. The simplest way to form an express contract begins with a formal offer.

Простейшим способом заключения прямо выраженного договора является направление формальной оферты. A primary motivating force behind the calling of the constitutional convention in 1787 and the resulting new Constitution was to transform the loose confederation of sovereign states into one nation and to "constitute the citizens of the United States as one people". Главной движущей силой, стоящей за созывом конституционного конвента 1787 года и принятием новой Конституции, было преобразование слабой конфедерации суверенных государств в единое государство и "объединение граждан Соединенных штатов в единый народ".

В процессе перевода гораздо реже приходится сталкиваться с заменой существительных, прилагательных и наречий. Однако в случае отсутствия прямого соответствия в русском языке, замена наречий представляется неизбежной. The Bank shall be entitled to indisputably debit the Client's Account with fees for opening the said account and servicing it. Банк вправе взимать с клиента в безусловном порядке плату за открытие и обслуживание его Счета. The Bank shall reserve the right to unilaterally make revisions in and amendments to the provisions hereof, duly notifying the Client

to this respect. Банк оставляет за собой право в одностороннем порядке вносить изменения и поправки в условия настоящего договора, соответствующим образом уведомляя об этом клиента.

Значительные трудности представляет перевод глаголов в страдательном залоге, особенно в конструкциях с единым подлежащим. Как правило, в таких предложениях при одном подлежащем могут быть несколько сказуемых в действительном и страдательном залоге.

При переводе таких предложений в процессе трансформации такая пассивная форма передается лексически. The company may on its own behalf acquire and exercise property and nonproperty rights, perform duties, sue and be sued in courts. Общество вправе от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. The Board of Directors shall arrange for the activities of the Company, convene meetings of the Board of Directors, presides over such meetings and cause the meeting minutes to be kept.

Совет директоров Общества организует его работу, созывает заседания Совета директоров и председательствует на них, а также организует ведение протокола таких заседаний. Добавление и опущение слов. Вследствие свойственной английскому языку лаконичности при переводе на русский язык часто возникает необходимость в добавлении слов. Случаи опущения слов при переводе наблюдаются гораздо реже. Under contract law, there is no contract if there is no consideration.

В рамках договорного права договор не может существовать без встречного удовлетворения. An offer, once made, can be revoked before acceptance unless it is under seal. Уже направленная оферта может быть отозвана до совершения акцепта, если она не является документом за печатью. It is not enough to say that you find the offer to be “agreeable”; you must “accept” the offer although your acceptance can be implied by your conduct. Недостаточно назвать оферту “приемлемой”, необходимо

совершить акцепт такой оферты, хотя акцепт может подразумеваться поведением.

Исходя из этого, различия в употреблении страдательного залога приводят к изменению структуры предложения: The Company shall be entitled at any time to deduct from the Basic Salary or any other sum payable to the Employee in connection with his employment any sum which owes by the Employee to the Company at the time such deduction is made. – ‘Компания вправе в любое время уменьшить основную зарплату или любую другую оплачиваемую сумму Работнику в связи с его трудоустройством или любую сумму, которую Работник задолжал компании во время такого уменьшения’.

Безусловно, процесс перевода является творческим и не соответствует строгим аналитическим правилам какой-либо из моделей, тем не менее, знание этих моделей может в значительной степени облегчить переводчику решение трудных переводческих задач.

В ходе изысканий в области переводоведения были сформированы ситуативно-денотативная и трансформационно-семантическая модели перевода.

Ситуативно-денотативная модель перевода описывает переводческий процесс как отождествление переводчиком языковых единиц текста оригинала с известными ему языковыми единицами переводного текста, интерпретацию их значения в контексте, соотношение описываемых в действительности реалий.

Трансформационно-семантическая модель заключается в анализе и упрощении исходных синтаксических структур ИЯ, переходе к ядерным структурам и семантическим компонентам ПЯ, а также реструктурирование, т.е. трансформация на ПЯ с ядерного уровня в окончательные структуры и единицы оригинала.

Вне зависимости от выбранной модели перевода, необходимо, прежде всего, подходить к переводческим задачам с лингвистической точки

зрения, поскольку «глубокое понимание различий в структуре двух языков только и может по-настоящему гарантировать переводчика любых подлинников, как от смысловых ошибок, так и от буквализма, ведущего к насилию над языком перевода» [22,с.67]. Ведь перевод юридического текста требует не только лишь досконального знания языков, но еще и умения искусно передать образы оригинала в «созвучности» с автором.

Продолжительное время лингвисты при оценке качества перевода пользовались такими понятиями как «эквивалентность» и «адекватность», которые были практически не различимы и вытекали одно из другого. Но уже к 60-м годам XX века понятие «адекватность перевода» приобрело самостоятельный статус и разграничилось с понятием эквивалентности. Лингвисты И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг понимали под адекватностью перевода «полноценный перевод», в полной мере передающий содержание исходного текста равноценными средствами.

Впервые жесткое разделение понятий «эквивалентности» и «адекватности» произошло в теории Скопос (от греч. *skopos* – цель любой деятельности), разработанной немецкими лингвистами Катариной Райс и Хансом Фермеером. Теория, однако, вызвала ряд критических высказываний, поскольку сформулированные в ней критерии имели довольно специфический характер и приводили к путанице.

Суть теории Скопос заключалась в равнозначном распределении внимания, как к исходному сообщению, так и к целевому, т.е. переведенному, будь то устный или письменный перевод. Главным предметом этой теории стал сам процесс перевода как вид деятельности, имеющей свою цель, адресата или аудиторию. Как правило, эти параметры задаются заказчиком, который сообщает переводчику о своих потребностях и запросах.

Понятие «эквивалентности» относится к результату перевода и характеризует функциональное соответствие целевого текста оригинальному. В.Н. Комиссаров предложил теорию уровней

эквивалентности, представляющую собой модель переводческой деятельности, основанную на предположении, что отношения эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями текстов оригинала и перевода. Данная модель состоит из следующих уровней:

1. Уровень цели коммуникации, заключающийся в выражении эмоций говорящего. Языковые средства перевода на этом уровне не соответствуют языковым средствам оригинала.

2. Уровень описания ситуации. Общая часть содержания текста оригинала и перевода помимо передачи одной цели коммуникации отражает схожую языковую ситуацию.

3. Уровень высказывания, на котором сохраняются компоненты содержания, а также значительная часть синтаксических конструкций.

4. Уровень сообщения. На данном уровне информация, содержащаяся в структуре текста оригинала, входит в общее содержание текста перевода.

5. Уровень языковых знаков. На данном уровне достигается максимально возможная эквивалентность содержания между текстами ИЯ и ПЯ.

Профессор Л.К. Латышев в своих трудах отмечал, что использование слова «адекватность» в качестве синонима «эквивалентности» неверно. При этом, чаще всего он употреблял вместо «эквивалентности» термин «оптимальность», имея в виду выбор наилучшего варианта из всех возможных. «Адекватность – это путь к оптимальному переводу, способ нахождения оптимального переводческого решения и, следовательно, это процесс перевода, в результате которого может возникнуть эквивалентный перевод».

Это значит, что для создания эквивалентного перевода необходимо выбрать адекватный способ перевода. В настоящий момент лингвисты не смогли прийти к общему мнению относительно описания алгоритма поиска оптимального переводческого решения, и поэтому опыт и интуиция

переводчика остается единственным его помощником на пути создания целевого текста.

В «Толковом переводческом словаре» представлено более десяти определений понятия «адекватность». Вот одно из определений, наиболее полно отражающее суть: «Такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального юридического воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности (путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т.п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта» [14,с.56].

Таким образом, становится совершенно очевидно, что при выполнении перевода литературного произведения не представляется возможным соблюдение полной эквивалентности без потери юридической образности. Для выполнения такой задачи лингвисты разработали прием переводческих трансформаций.

Юридический перевод принципиально отличается от остальных видов перевода, поскольку в конечном тексте необходимо передать не только смысловую нагрузку, но и сохранить стиль авторского письма, структуру юридического концепта. Информация, содержащаяся в юридическом тексте и подлежащая декодированию, имеет динамический, подвижный характер, в связи с чем можно наблюдать несколько переводов одного и того же литературного произведения.

На адекватность перевода юридического текста влияет не только знание иной культуры, но также и взаимодействие мировоззрения, ментального поля втора и переводчиков его текстов, а именно их личностные особенности восприятия реальной и вымышленной действительности.

Немаловажным понятием в практике юридического перевода является «единица перевода». Данный термин продолжает вызывать вокруг себя оживленную полемику в научных кругах, вплоть до отрицания самого факта существования подобной единицы, поскольку остается неясным какие именно критерии следует учитывать при выборе этой единицы.

В современном языкознании сложилось устойчивое мнение, что морфема является минимальной значимой единицей текста. Однако из практики перевода совершенно очевидным становится то, что существуют единицы более высокого порядка – слова, словосочетания и даже предложения – обладающие неделимым значением. Но даже если эти сложные единицы на ИЯ являются семантически делимыми, т.е. их части обладают самостоятельным значением, то на ПЯ они могут иметь эквивалентную неделимую единицу.

Одним из способов достижения адекватности перевода могут быть переводческие трансформации. Как отмечал В.Н. Комиссаров, знание правил и приемов, а также умение их применять, помогает переводчику в сложных ситуациях, когда не хватает времени быстро найти оптимальный вариант перевода. Переводческие трансформации – это технические приемы перевода, которые заключаются в замене регулярных соответствий контекстуальными соответствиями, а также сами семантические конструкции, получаемые в результате таких приемов.

Ученые-лингвисты внесли огромный вклад в исследование переводческих трансформаций, благодаря чему на сегодняшний день существует несколько классификаций. Рассмотрим некоторые из них.

Л.К. Латышев описывал переводческие трансформации как способ перевода, который характеризуется отступлением от семантико-структурного параллелизма между оригинальным и переводным текстом. Обоснованием для применения переводческих трансформаций является повышение эквивалентности переведенного текста оригиналу, гораздо большее по сравнению с использованием регулярных соответствий. Кроме

того, переводческие трансформации позволяют сократить, или вовсе избежать, негативных последствий от использования регулярных соответствий в некоторых контекстах.

Использование переводческих трансформаций целесообразно во избежание буквального перевода, при необходимости идиоматизировать перевод, приблизить его к нормам языка перевода, для преодоления языковых различий ИЯ и ПЯ при переводе однородных членов предложения, при необходимости уйти от громоздкости, неясности, нелогичности перевода, для передачи смыслового сообщения юридического концепта, а также для передачи трудно переводимой игры слов, образных выражений, стилистических средств.

Интересную четырехуровневую систему, отличную от других предложенных классификаций, сформулировал А.Д. Швейцер:

1. Переводческие трансформации на компонентном уровне семантической валентности, к которым относятся различные замены (замена морфологических единиц лексическими, иными морфологическими, синтаксическими, фразеологическими и др.).

2. Переводческие трансформации на прагматическом уровне (компенсации, замена стилистических средств, реалий, интерпретирующий перевод, переводческие компенсации).

3. Переводческие трансформации на референциальном уровне. К ним относятся гипонимические трансформации (конкретизации), гиперонимические трансформации (генерализации), интергипонимические трансформации (замена реалий), реметафоризации, метонимические трансформации, деметафоризации (замена метафоры неметафорой), а также комплексные трансформации.

4. Переводческие трансформации на стилистическом уровне, включающие в себя компрессию (эллипсис, семантическое стяжение, опущение, лексическое свертывание) и расширение.

Для того чтобы оценить качество переводного текста, необходимо провести детальный анализ текста, включающий в себя литературоведческий анализ, а затем структурно-семантический анализ оригинального текста и переводного. Затем следует сопоставить характеристики двух текстов, и проанализировать, насколько целесообразно и адекватно были использованы те или иные переводческие трансформации. Поскольку именно адекватность является основным критерием для оценки качества перевода, то и оценивать нужно соответствие перевода условиям и требованиям конкретного акта межъязыковой коммуникации.

Комиссаров связывал оценку качества перевода самим переводчиком или другими лицами, такими как редактор, заказчик, критик, преподаватель перевода, с его прагматической проблематикой. По его мнению, результат перевода можно оценивать как по отношению к оригиналу, так и независимо от него.

Таким образом, критерием для оценки результата перевода можно считать «степень близости к оригиналу, качество языкового оформления текста или способность перевода достичь поставленной цели» [8, с.71.].

Как бы то ни было, оценка результата перевода является непростой задачей, поскольку требует учета целого ряда факторов, таких как характер предполагаемого рецептора, степень эквивалентности, жанровостилистическая составляющая, качество языкового уровня переводчика, взгляды на перевод, господствующие в обществе в данное время, а также достижение прагматической цели перевода.

Степень эквивалентности перевода оригиналу является наиболее объективным фактором для оценки качества переводного текста, поскольку ее можно произвести на основе сопоставительного анализа двух текстов. Для проведения такого анализа необходимо выявить и классифицировать ошибки перевода, а именно, несоответствия содержания оригинальному тексту.

Комиссаров представлял следующую классификацию таких ошибок:

1. Ошибки, основанные на степени отклонения от содержания текста оригинала. Ошибки, полностью искажающие смысл оригинала; Неточности перевода, не передающие, или неправильно передающие некую часть содержания оригинала; Неточности перевода стилистического характера, связанные с неудачным выбором эквивалента или громоздким построением фразы.

2. Ошибки, основанные на нарушении норм узуса языка перевода, такие как нарушение сочетаемости слов, грамматических, орфографических и пунктуационных правил.

Перевод всегда являет собой создание текста, будь то устный или письменный перевод, поэтому от исполнителя требуется соблюдение всех норм и правил узуса языка перевода, что в некоторых случаях нарушается, особенно когда переводчик создает текст на неродном ему языке.

Подводя итоги главы можно сделать вывод о том, что проблема поиска и формирования переводческих трансформаций существовала не один десяток лет. За годы исследования данной проблемы учеными были сформированы различные классификации, общей чертой которых было разделение всех переводческих трансформаций на лексические и грамматические с некоторыми различными нюансами.

Долгое время понятия «адекватность» и «эквивалентность» ассоциировались лингвистами как взаимозаменяемые. Но уже после 60-х гг. прошлого века произошло четкое разделение этих понятий. Лингвисты определили «эквивалентность» как относительную общность перевода и оригинала, при этом степень близости текстов может быть разной, а сама эквивалентность устанавливается на различных уровнях. Под «адекватностью» стали принимать способ нахождения оптимального переводческого решения при выполнении конкретного акта межкультурной коммуникации.

Понятие эквивалентности не может быть применимо относительно перевода юридического текста, поскольку юридический перевод принципиально отличается от других видов перевода и имеет собственную специфику. Для юридического перевода наиболее важным параметром является сохранение образно-эмоционального воздействия на читателя, которое достигается с помощью различных стилистических и выразительных средств.

Также для юридического перевода важно такое понятие как «единица перевода», в качестве которого может выступать как отдельное слово, так и целое словосочетание, и предложение и даже, в отдельных случаях, целый текст.

Глава 3. Юридические тексты и их метаязык

Метаязык – одно из наиболее значимых явлений любой научной дисциплины, поскольку именно от его разработанности и сформированности зависит эффективность специализированного научного общения.

Метаязык обладает не только своеобразной лексикой, но и синтаксисом («метасинтаксисом») [22,с.78]. Однако Н. А. Слюсарева и Л. Л. Кутина отрицают наличие уникальной грамматики и синтаксиса при использовании терминов. Кроме того, А. В. Иванов подчеркивает, что вместе с терминологией в метаязык входит общенаучная лексика и номенклатурные знаки-номены, которые с трудом поддаются систематизации.

В то же время метаязык – одно из наиболее сложных лингвистических явлений в языке, так как:

1) метаязык – это специализированный язык, и неспециалисту будет весьма затруднительно или вовсе невозможно функционировать в рамках определенного метаязыка;

2) метаязык – структура, находящаяся внутри языка, это язык второго уровня;

3) метаязык – не просто набор терминов / специальной лексики / жаргона и пр., а слаженная система, элементы которой находятся в гармонии друг с другом, подобно естественному языку.

Примечательно, что сам термин «метаязык» имеет несколько дефиниций ввиду принадлежности к той или иной парадигме научного знания, т.е. по причине функционирования в различных метаязыках.

Трактовки термина «метаязык» варьируются в зависимости от объекта научного исследования, его метода и конечной цели. В каждой дефиниции акцентируются именно те свойства исследуемого нами понятия, которые являются первичными для той или иной научной дисциплины.

Особое внимание лингвисты уделяют функциональности юридической лексики, точности ее перевода. Так, А.С. Киндеркнехт в работе «Особенности перевода юридических текстов» к основным трудностям процесса перевода относит интерпретацию юридической лексики, что, по мнению автора, решается путем «тщательного анализа межкультурных соответствий юридических терминов» [4,с.67].

При переводе юридических текстов И.С. Алексеева в работе «Профессиональный тренинг переводчика» [1,с.90] заостряет внимание на системных признаках, к которым, в первую очередь, относит юридические термины. Замена лексических единиц языка оригинала какими-либо лексическими единицами языка перевода приводит к употреблению лексики языка перевода, которая не является эквивалентной лексике языка оригинала. К лексическим трансформациям Л.С. Бархударов относит конкретизацию, генерализацию и замену, которая основана на причинно-следственных отношениях.

В качестве материала для исследования был выбран текст закона острова Мэн о терроризме и финансировании терроризма («Terrorism and the Financing of Terrorism»).

Эквивалентность перевода текста закона достигается следующими средствами:

- языковая конкретизация (*payments* – денежные отчисления), сопровождающаяся контекстуальной конкретизацией, приводящая к опущению фразы «for the purposes of terrorism»:

Оригинал	Перевод
<p>The anti-terrorism and sanctions legislation of the Island makes it illegal to make <i>payments</i> to terrorists and terrorist organisations or for the purposes of terrorism, either directly or indirectly.</p>	<p>Законодательство острова, относящееся к борьбе с терроризмом и санкциями, делает незаконными прямые или косвенные <i>денежные отчисления</i> в пользу террористов и террористических организаций.</p>

— языковая конкретизация (*individuals, undertakings and entities* — лицам, предприятиям и организациям), стилистическая конкретизация, ведущая к изменению синтаксического строя предложения:

Оригинал	Перевод
In particular, payments made to those <i>individuals, undertakings and entities</i> included on the Al-Qaida Sanctions List for the purpose of ransoms would be illegal, regardless of how or by whom the ransom is paid.	В частности, считаются незаконными денежные отчисления с целью выкупа тем <i>лицам, предприятиям и организациям</i> , которые включены в список санкций против «Аль-Каиды», независимо от того, каким образом или кем выкуп выплачивается.

— контекстуальная конкретизация, опущение:

Оригинал	Перевод
The prohibitions have extra-territorial effect, meaning that an offence can be committed by Island persons or legal entities, even if the activity takes place outside <i>the Island</i> .	Запреты имеют экстерриториальный эффект, означающий, что преступление может быть совершено гражданами или юридическими лицами Острова, даже если они действуют за <i>его</i> пределами.

— компенсация, при которой фраза текста оригинала «a clear distinction may be made» передается фразой текста перевода «могут четко разграничиваться», что приводит и к синтаксическим трансформациям:

Оригинал	Перевод
However, a clear distinction may be made between payments of ransom to terrorists, or for the purpose of terrorism, and those which may be made for reasons of other forms of criminality, such as piracy at sea.	Однако могут четко разграничиваться денежные отчисления в качестве выкупа террористам или в целях совершения актов терроризма, и теми, которые производятся в результате других форм преступности, таких как пиратство в море.

— языковая конкретизация (*Businesses* – Предприятиям, *individuals* – физическим лицам), включающая добавления (*Customs and Excise* – таможенную службу и акцизное управление):

Оригинал	Перевод

<p>Businesses and individuals are advised to exercise extreme caution in respect of any transactions that involve the payment of ransoms. Any relevant information should be reported to Customs and Excise, if potential sanctions issues are involved, or the FIU.</p>	<p>Предприятиям и физическим лицам рекомендуется проявлять крайнюю осторожность в отношении любых денежных переводов, связанных с оплатой выкупа. Информация, затрагивающая санкционные вопросы должна быть сообщена в таможенную службу, акцизное управление или ОФР.</p>
--	--

— компенсация, добавление и опущение приводящая к изменению синтаксической конструкции предложения:

Оригинал	Перевод
<p>You should also be aware that a request to become involved in a transaction involving the payment of a ransom could give rise to knowledge or suspicion, or reasonable grounds for knowledge or suspicion that someone is involved in criminal activity or terrorist financing, in which case a disclosure should be made to the FIU.</p>	<p>Информация о требовании совершить денежные отчисления, связанные с выплатой выкупа, в результате которой известными становятся лица, вовлеченные в преступную деятельность или финансирование терроризма, должна быть доведена до ОФР в обязательном порядке.</p>

Таким образом, эквивалентность перевода текста закона с английского языка на русский достигается средствами следующих лексических трансформаций:

1. Языковая конкретизация, которая приводит к замене слова с широким значением в языке оригинала словом с более узким значением в языке перевода, вызванная отсутствием точного эквивалента;
2. Контекстуальная конкретизация, вызванная стилистическими соображениями, стремлением избежать ненужных повторений;
3. Компенсация, при которой элементы текста оригинала, содержащие определенную информацию, передаются другими средствами в языке перевода;
4. Добавления;
5. Опущения слов, которые при переводе становятся семантически избыточными.

Так, в дискурсе философии метаязык ориентирован не на фиксированную предметную область, а на язык-объект, где его главной функцией является описание и выявление структурных закономерностей объектного языка. «Метаязык – это средство изучения и описания языка-объекта» [18,с.67]. Метаязык – это «знаковая система, которая интерпретируется другой системой» [19].

В метаязыке выражены предметные и операциональные компоненты содержательной структуры научного знания.

Ролан Барт, литературовед и философ прошлого столетия, отмечает разграничение языка-объекта и метаязыка. Он утверждает, что язык-объект – это сам предмет логического исследования, а метаязык – это неизбежно искусственный язык, на котором ведется исследование.

Среди языковедов, занимавшихся исследованиями в области метаязыка, в первую очередь следует выделить таких ученых, как Р. О. Якобсон, О. С. Ахманова, А. Н. Баранов, Н. Б. Гвишиани, Н. А. Слюсареву, а также Б. Н. Головина, Т. А. Ганиеву, А. В. Иванова, О. И. Лукину, Л. Л. Кутину, С. А. Якимову. Их труды, посвященные изучению вопроса, связанного с исследованиями в области метаязыка, во многом являются определяющими в контексте настоящей работы. Среди научных позиций ученых-лингвистов относительно взгляда на понятие метаязыка и его характерные черты наблюдаются как схожие, так и значительно отличающиеся друг от друга, порой противоположные мнения.

Впервые в языкознании термин «метаязык» был введен Р. О. Якобсоном.

Б. Кузьмина считает, что одной из особенностей терминологии лингвистики является близость к общезыковому пласту литературного языка. Именно этим фактором она объясняет, почему терминологии наук гуманитарного цикла уделяется меньшее внимание в сравнении с терминологией наук технического или естественного плана.

В целом ученые-лингвисты не удовлетворены как состоянием, так и научным описанием лингвистической терминологии, поскольку, по их мнению, она «не является рационально организованной, семиотически безупречной системой», «далека от совершенства и нуждается в упорядочении».

Научные исследования в сфере метаязыка, на наш взгляд, являются первостепенными при изучении какой-либо определенной научной дисциплины, поскольку именно от его качества зависит успех интерпретации одного автора другими. Если ученый использует метаязык, затрудняющий понимание проблемы коллегами, то его вклад науку может быть недооценен или вовсе обесценен. Думается, что, чем проще и прозрачнее метаязык изучаемой научной сферы, тем яснее его концептуальный аппарат. Метаязык, на наш взгляд, это образ мышления, поэтому, занимаясь вопросами, связанными с функционированием метаязыка, ученые, порой сами того не осознавая, решают проблемы иного характера, в частности, методологические.

Указанные выше причины и стали основой для принятия решения начать специальное комплексное исследование в области метаязыка юрислингвистики.

Метаязык – развивающаяся и динамичная система, совершенствующаяся и пополняющаяся вне зависимости от уровня развития конкретной научной дисциплины. Естественно, что состояние метаязыка уже устоявшейся, традиционной определенной научной дисциплины, например, физики, менее подвержено изменениям, чем состояние области специального знания, которое находится лишь на начальных этапах своего научного становления. Однако следует отметить, что каким бы высоким уровень развития научной мысли ни был, не стоит думать о его метаязыке как о закрытой системе, лишенной возможности претерпевать изменения, в противном случае это бы обозначало конец всякой научной мысли. Мнение А. Тарского несколько отличается от

позиции ученых, о которых говорилось выше. Если О. С. Ахманова и Н. Б. Гвишиани считают, что должна соблюдаться строгая дифференциация метаязыка и языка-объекта (описываемого языка), то А. Тарский говорит, что и сам язык-объект (описываемый язык) является составной частью метаязыка. Стоит отметить, что в данном случае ученый делает акцент на другом обстоятельстве.

Согласно исследованиям А. Тарского, нельзя отождествлять метаязык и язык теории, являющийся специализированным для воспроизведения неповторимости предмета своего исследования.

Ученый заключает, что метаязык – это составная часть языка теории, куда входит и сам язык-объект. В этом случае метаязык отвечает не за предметное содержание, а за оценочное. Метаязык призван осуществлять рефлексию по отношению к изучаемому объекту (объекту-языку). Иными словами, А. Тарский различает в исследуемом языке не две категории, как О. С. Ахманова и Н. Б. Гвишиани, а три: язык-объект, метаязык и язык теории.

О связи метаязыка с теорией говорит и В. В. Ким. «На уровне метаязыка изучается не только язык-объект, но и структура теории». В этом состоит одна из особенностей метаязыка, заключающаяся в том, что основной целью метаязыка является описательная функция.

Среди прочих особенностей исследуемого феномена (метаязыка), зависящих от многих факторов, в первую очередь стоит отметить главенствующую роль лексического пласта. Несмотря на то, что существуют мнения и о специфическом синтаксисе метаязыка (Ахманова О. С.), мы в данной научно-исследовательской работе на первый план выдвигаем изучение лексического среза языка, так как, по нашему мнению, именно лексика наиболее наглядно выявляет специфичность метаязыка каждой отдельной дисциплины, а также дает возможность их дифференцирования.

Придерживаясь этой позиции, мы апеллируем к авторитетным трудам ряда лингвистов, среди которых прежде всего стоит отметить О. С. Ахманову, Н. Б. Гвишиани, Т. А. Ганиеву.

В этой связи показательным является мнение Н. Б. Гвишиани, которая пишет, что от терминов, единиц, относящихся именно к лексическому уровню языка, зависит сама методология разработки метаязыка. Ученый акцентирует внимание на особой значимости такой лексической единицы, как термин.

Т. А. Ганиева также отмечает особую сложность в изучении метаязыка, которую она связывает с непосредственным разграничением элементов языка-объекта и метаязыка, выводя на первый план именно лексический уровень языка. «Разработка метаязыка лингвистики отличается особой специфичностью и сложностью, вызванной, в частности, необходимостью разграничения объекта метаязыка, с одной стороны, и элементов, единиц метаязыка, с другой».

А. В. Иванов, доктор филологических наук, говорит не только о том, как следует понимать термин «метаязык», но и приводит ряд характерных черт исследуемого понятия. «Метаязык – это сложный, многоаспектный пласт языка, ориентированный на выполнение ряда прикладных задач, стоящих перед наукой».

О синонимичности понятий «ЯСЦ» и «метаязык» позволяет говорить исследование А.И. Комаровой, которая указывает, что «ЯСЦ представляет специфическую разновидность языка в целом, используемую при общении на ту или иную специальную тему». Однако, оценивая данное мнение, можно прийти к выводу, что понятие ЯСЦ шире, чем понятие метаязыка: «ЯСЦ не является чем-то монолитным и однородным; напротив, он характеризуется высокой степенью разнородности и распадается на функционально-стилистические разновидности».

Из слов О. И. Лукиной и А. И. Комаровой следует, что метаязык – это разновидность ЯСЦ, более конкретная трансляция языка, обусловленная функциями или парадигмой научного знания. Понятия ЯСЦ и метаязыка

образуют гиперо-гипонимические отношения, где ЯСЦ является гиперонимом, а метаязык – гипонимом.

Такого же мнения придерживается и Б. Н. Головин. Ученый считает, что данный подход к изучению метаязыка весьма практичен, так как он позволяет вести заодно и статистический учет, т.е. в истории изучения определенной дисциплины происходило бы четкое формирование роли в становлении науки того или иного ученого, учитывалось бы влияние взглядов ученых на формирование научного знания.

В то же время есть ученые, предполагающие, что изучение метаязыка должно отталкиваться от его целостного представления, т.е. считающие, что, в первую очередь должны быть рассмотрены общие категории, не зависящие от тех или иных направлений и школ.

В настоящей работе мы постараемся интегрировать два подхода к изучению терминологического аппарата метаязыка юрислингвистики, так как, с одной стороны, мы преимущественно опираемся на подход О. С. Ахмановой, позволяющий осуществить конкретизацию в отборе материала для исследования, при этом, с другой стороны, будем с необходимостью апеллировать к общим понятиям метаязыка юрислингвистики, на чем настаивала Т. А. Ганиева.

Благодаря метаязыковому лексическому корпусу видится возможным интеграция различных областей знания, где термин зачастую помогает проникнуть в суть нового научного знания.

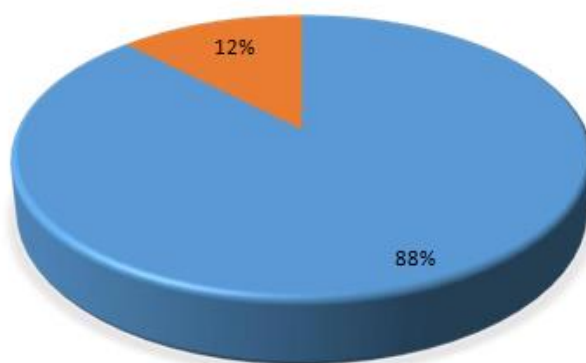
Забегая вперед, следует отметить, что для более подробного изучения юрислингвистического терминологического аппарата необходимо определить степень «устойчивости» входящих в него терминов, где под «устойчивостью» предлагается понимать нормативность и сложившуюся традицию употребления терминов.

Таким образом, в метаязыке юрислингвистики, как в языке науки, находящейся в процессе своего научного становления, следует выделить

особую роль не только терминов как уже устоявшихся единиц и получивших соответствующий статус термина, но и терминоидов.

Терминоиды, которые другие авторы называют квазитерминами, предтерминами или прототерминами, в строгом смысле слова нельзя отнести к терминологии, однако в рамках проводимого исследования, учитывая особенность юрислингвистики (процесс научного становления), невозможно не отметить их роль в метаязыке юрислингвистики, так как терминоиды несут в себе новую информацию, еще не успевшую стать консолидированной и традиционной в своем функционировании. К тому же представленная ниже таблица (Рис. 1) демонстрирует количественное соотношение терминов и предтерминов, являющихся объектом данного научного исследования.

СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
МЕТАЯЗЫКА ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Термины – это основные элементы языка для специальных целей, организующие коммуникацию в пределах метаязыка, и их роль в метаязыке юрислингвистики неоспорима.

Термины и полутермины – это главнейший инструментарий для выполнений одной из наиболее видимых задач юрислингвистики – экспертизы.

На данный момент проводится большое количество различных лингвистических (лингвокриминалистических/ юрислингвистических) экспертиз, в которых эксперты, выполняющие исследование и дающие

заключение, и представители различных общественных структур, впоследствии оперирующие заключениями лингвистов-экспертов, неизбежно прибегают к использованию терминов – основной специализированной информационной части метаязыка.

Как мы выяснили, науке достаточно хорошо известен феномен метаязыка. Причем вопрос о метаязыке освещен не только в языкознании, но и в других областях знания, например, в философии. Однако стоит заметить, что исследования, связанные с углублением и качественным расширением знаний о метаязыке, продолжаются, выявляются новые, актуальные сведения о данном понятии. А уже полученные знания способствуют развитию и становлению других, новых областей знания, например, таких как юрислингвистика.

Проецируя знания о метаязыке как таковом в исследуемую нами сферу, можно в самом общем виде сформулировать определение метаязыка юрислингвистики как языка, служащего для описания явлений одноименной области знания.

Метаязык юрислингвистики – это также и «особый вид языка, служащий средством специального общения, обуславливающий профессиональную сферу деятельности».

Позиция А. В. Иванова относительно понятия метаязыка наилучшим образом отражает предназначение метаязыка юрислингвистики, так как юрислингвистика есть не что иное, как прикладная отрасль знания.

Согласно перечню характерных черт метаязыка, в понимании А. В. Иванова, приведенном в данной главе настоящей диссертации, следует, что метаязык юрислингвистики находится на стадии научного становления, так как он отвечает лишь некоторым из заявленных параметров. Так, считаем, что для аппарата юрислингвистики релевантными являются следующие характеристики: терминологический аппарат юрислингвистики обладает следующими свойствами:

1) искусственность, т.е. для некоторых феноменов метаязыка юрислингвистики создаются новые терминологические единицы, например, инвектива, инвектор, инвектум, обценный, шкала юридикации, шкала инвективности и др.;

2) ограниченная направленность, т.е. лексемы, функционирующие в юрислингвистическом дискурсе, имеют узкую специализированную направленность, что, например, подтверждается транстерминологизацией некоторых терминов с приобретением новых оттенков значения, присущих только данной парадигме знания. Примером лексем подобного рода могут послужить такие, как экология языка, речевое хулиганство, призыв (как вид речевого акта) и др.;

3) абстрактность, т.е. денотативный слой терминологических единиц практически пуст и не соотносится в обыденном человеческом сознании с конкретными образами, например, аморальный, антоним, антропоним, интенция, конфликтогенный, концептуальный и пр.;

4) социальная психологичность, т.е. терминологические единицы, призванные зафиксировать в языке феномены юрислингвистики, отражают мировоззрение того социума, в рамках которого данная область знания функционирует, например, клевета, кража, ущерб, унижение, особо крупный/ крупный размер (о размере ущерба) и пр.;

5) фиксированность средствами графики (частично), т.е. метаязык юрислингвистики зафиксирован в письменной форме;

6) однозначность элементов структуры, т.е. терминологические единицы метаязыка юрислингвистики отражают точное, предназначенное для единичного явления, значение;

7) открытость, т.е. лексический пласт метаязыка юрислингвистики, являет собой пополняемую систему, так как имеет потенциал дальнейшего развития;

8) детерминированность, т.е. лексические единицы естественного языка стремятся к приобретению нового статуса и описания с учетом

специфики юрислингвистического дискурса, например, кража, клевета, ущерб, оклеветать и пр.;

9) вариативность и национальная ориентированность, т.е. терминологические единицы имеют варианты употребления с учетом специфики научных школ и направлений, в которых они представлены, например, термины-дублиеты инвективный – обценный и др.;

10) преемственность / единообразие (частично), т.е. терминологические единицы метаязыка юрислингвистики при описании какого-либо языкового явления едины в рамках одной школы / направления.

Однако стоит отметить, что главнейшим параметрам – системности и универсальности (наличие гибкости и разнообразия средств выражения) – метаязык юрислингвистики пока не соответствует, что во многом осложняет его исследование, но не делает менее актуальным.

Доказательством данной точки зрения могут послужить следующие доводы: во-первых, не все понятия метаязыка юрислингвистики поддаются классификации, т.к. в нем были обнаружены лексические единицы, не реализующие никаких системно- семантических связей и не входящие в состав никаких терминологических гнезд, например, облигативный, ойколект, отвод, очерк, осмеяние, плагиат, патент и пр.; во-вторых, в настоящее время консолидированный словарь терминологической лексики метаязыка юрислингвистики отсутствует, хотя некоторыми учеными предпринимались неоднократные попытки к его созданию. Например, ассоциацией лингвистов-экспертов Юга России была предпринята попытка создания подобного словаря, который насчитывает всего лишь 154 лексические единицы, в то время как нами было выявлено свыше 1300 терминологических единиц метаязыка юрислингвистики.

Мнение О. С. Ахмановой о том, что метаязык лингвистики проявляет тенденцию распадаться на диалекты и даже идиолекты, применимо и к метаязыку юрислингвистики. «Это ставит перед исследователями

лингвистической терминологии сложную задачу последовательного и обоснованного отграничения терминов, которые уже могут считаться общепризнанными и поэтому должны включаться в словарь, с одной стороны, и таких терминов, которые не только не получили достаточного признания, но и вряд ли могут на такое признание рассчитывать, – с другой».

Данное свойство отражается в неустойчивости терминологических единиц (в первую очередь терминов), входящих в метаязык юрислингвистики. Безусловно, в метаязыке указанной прикладной дисциплины есть термины, которые по праву могут считаться общепризнанными (инвектива, обценный, призыв и др.) ввиду высокой степени их консолидированности. К лексемам данной группы, безусловно, относятся и собственно лингвистические (род, антоним, синоним, падеж, лексема, морфема и др.) и юридические (иск, отвод, суд, судопроизводство и пр.) терминологические единицы.

Однако функционирование терминов, не получивших достаточного признания в силу различных объективных, а порой и субъективных причин, является вопросом, требующим незамедлительного решения.

Например, термины «инвектор» и «инвектум» не являются консолидированными, что становится весьма заметным при изучении специализированной литературы и текстов экспертиз, хотя, став общепризнанными, они могли бы позволить решить ряд проблем, связанных не только с функционированием метаязыка, но и с методологией проведения юрислингвистических (лингвокриминалистических) экспертиз в целом.

Согласно исследованиям А. Тарского, нельзя отождествлять метаязык и язык теории, являющийся специализированным для воспроизведения неповторимости предмета своего исследования. Как отмечает ученый, метаязык – это составная часть языка теории, куда входит и сам язык-объект.

Метаязык отвечает не за предметное содержание, а за оценочное. Метаязык призван осуществлять рефлексивность по отношению к изучаемому объекту [объекту-языку]. На уровне метаязыка также изучается структура теории, ввиду невозможности четкого определения места того или иного понятия, не зафиксированного в языке-объекте.

Считаем, что и исследование метаязыка юрислингвистики отличается аналогичной спецификой. Действительно, разграничение объекта и субъекта в метаязыке юрислингвистики осложнено включением естественного языка, как в первую, так и во вторую группу (объект-субъект).

Таким образом, для понимания метаязыка юрислингвистики в узком смысле предлагается следующая дефиниция: метаязык юрислингвистики – это язык второго порядка, служащий средством специального общения и обуславливающий профессиональную сферу деятельности, а также являющийся инструментом для описания явлений одноименной области знания, где предметом исследования является функционирование естественного языка через призму права.

Данное толкование метаязыка юрислингвистики отражает не только его местоположение в системе русского языка как характерную черту явления, но и его предназначение, функции. Надеемся, что данная дефиниция окажется полезной как для исследователей собственно метаязыка, так и для исследователей в области юрислингвистики.

Подводя итог сказанному, обратим внимание на то, что изучение метаязыка юрислингвистики представляет собой сложную проблему, обусловленную рядом факторов:

- во-первых, это низкий количественный уровень преимущественно терминологических исследований в области юрислингвистики;
- во-вторых, это малоизученность новой отрасли языкознания, проявляющаяся в том числе и как следствие влияния первого фактора;

- в-третьих, недостаточность числа специалистов, занимающихся вопросами данной области знания (на данный момент развития юрислингвистики известны лишь несколько авторитетных лингвистических ассоциаций, занимающихся исследованиями в данной сфере, среди которых стоит отметить Сибирскую и Московскую «школы», а также ассоциацию лингвистов-экспертов Юга России);

-в-четвертых, это несформировавшаяся методология юрислингвистики (юрислингвистика находится в стадии активного развития и научного становления).

Исследование путей взаимодействия языка, права и культуры получает особую значимость в период интеграции культурных и национальных правовых систем. В условиях постоянно расширяющихся международных контактов особую значимость приобретает изучение текстов правовой документации. Язык права, тесно соприкасающийся с общественным сознанием и отчасти влияющий на его формирование, всегда являлся и является одним из фундаментальных основ официально-делового стиля.

Перевод юридических текстов, правовых документов представляет собой довольно сложный процесс, при котором появляется необходимость применения особых подходов в работе переводчика. Переводчик должен обладать базовыми профессиональными знаниями не только языка перевода, но и лингвокультурных особенностей правовой сферы Великобритании и России, знать и понимать основные и специфические явления в области права обеих стран, т. е. быть обладателем широкого кругозора и знаний во многих сферах жизнедеятельности общества, как Объединённого Королевства, так и Российской Федерации.

Изучение языка правоведения в настоящее время является одним из направлений лингвистики, поскольку само право является неотъемлемой частью жизни общества. Изучение языка права, или языка закона в самых различных аспектах, по сути, является популярным направлением в

языкознании, которое называется лингвоюристика. Существует смежная с ним дисциплина – юрислингвистика.

Термин юрислингвистика объединяет такие понятия, как язык и право. Это значит, что предметом исследования в данной области является специфическое функционирование языка в области права и не только. С.П. Хижняк пишет: «В последнее время юридическая лингвистика использует положения и наработки лингвистических исследований, выполненных в рамках других направлений: социолингвистики, психолингвистики, политической лингвистики, теории перевода и межкультурной коммуникации».

Терминология права относится к общественно-политической сфере, поскольку функционирует в сфере социальных отношений. Понятие социума, общественных отношений тесно связано с нацией, национальной культурой, образом жизни народа. Соответственно и терминологии права имеют как общие, так и специфические черты.

Русская и английская терминологии права, имея несомненно общие черты (принадлежность к общественно-политической сфере, непосредственная связь и происхождение из общеупотребительной лексики и т.д.), в целом обладают рядом специфических особенностей, диктуемых как экстра-, так и интралингвистическими факторами (различие правовых систем Российской Федерации и Великобритании, правовых механизмов воздействия, организации общества, а также определенных национальных ценностей, самой языковой структуры и т. д.).

Следует отметить, что характер официальной юридической терминологии практически всегда, за некоторым исключением, обладает такой особенностью, как ярко выраженная национальная принадлежность, раскрывающая специфику исторического развития того или иного общества. Таким образом, каждому специалисту в области перевода английской юридической документации необходимо учитывать эту специфику как английской, так и русской терминологии.

Английская терминология подобно русской «...уходит своими корнями в дописьменный период языка, поскольку основу английского права в англосаксонский период составляли обычаи и традиции». Само развитие английского права в корне отличается от российского.

Прецеденты, судебные решения, акты парламента, акты делегированного законодательства, статуты, обычаи и т. д. – все это относится к источникам данного права, то есть общего, или прецедентного права. Можно отметить одну существенную деталь – английское право имеет однородный характер. Здесь известные отрасли права выделены нечетко, практически все суды в стране имеют общую юрисдикцию.

Термины доверительная собственность (trust ownership) встречное удовлетворение (consideration), эстоппель (estoppel (лишение права возражения)), берглари (burglary), деликт (tort), воздействие на личность (trespass to person) представляют собой примеры использования общелитературных слов, подверженных терминологизации. Процесс терминологизации в основном происходит через переосмысление значения слова общего употребления, хотя определенную долю терминологического корпуса составляют латинизмы и другие заимствования, пришедшие исторически из французского языка.

Кроме того, в английской терминологии, в отличие от русской, присутствует определенное число разговорных терминов (colloquial terms), зафиксированных в соответствующих словарях:

- yellow contract – контракт о найме на работу, в котором есть пункт, где нанимаемый рабочий отказывается от членства в профсоюзе;
- joyriding – угон автомобиля ради забавы;
- kangaroo – разговорный термин, обозначающий парламентскую практику, позволяющую председателю комиссии допускать обсуждение лишь некоторых поправок к законопроекту.

Данная особенность отличает английские термины права, в то время как термины права в русском языке более сдержаны в выражении оценки и

образности. Однако следует признать, что и ряд русских терминов права также содержит в себе коннотативный элемент значения, что продиктовано самой спецификой права, которое по своей сути аксиологично.

«Оценочность терминов права может быть обусловлена моралью, которая генетически связана с юридической сферой и является его фундаментом». Здесь кроется еще одна трудность перевода юридических терминов. Хотя самые общие нормы морали не отличаются в разных обществах, система духовных ценностей во всяком обществе уникальна. Ср.: private prosecution (частное судебное преследование), defect of the title (порок титула).

Проведя, таким образом, такой анализ юридических терминологий английского и русского языков, можно приступить к рассмотрению проблем перевода английских терминов права на русский язык с учетом всей специфики системы английского общего права.

Теория перевода, разработанная современными учеными-лингвистами, основана на коммуникативной модели перевода, поскольку язык является основным средством обмена информацией между людьми.

«Если же процесс общения осуществляется на разных языках, то можно говорить о межъязыковой или двуязычной коммуникации, осуществляемой с участием посредника, то есть переводчика. Поэтому перевод будет рассматриваться только в широком контексте коммуникации, а именно в процесс обмена информацией между людьми, говорящими на разных языках и принадлежащими к разным культурам».

При переводе юридических документов, а именно текстов государственных или международных актов, где перевод часто имеет правовой статус оригинала, точность передачи содержания касается не только семантического значения слова, хотя стоит отметить, что оно по своему комплексному составу может различаться по языкам. Перевод терминов, всей содержащейся в тексте информации, структурной его

организации также является чрезвычайно важным. Приблизительный перевод, а еще хуже, вольный, в отношении государственных, законных или других документальных актов категорически не допустим. Это неоднократно подчеркивает В. Н. Комиссаров в своей работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)».

В процессе перевода того или иного текста переводчик должен успешно решить конкретную профессиональную задачу. Прежде всего необходимо точно определить назначение документа для перевода, т. е. определить прагматическую цель. Например, когда тому или иному заявителю необходимо сделать запрос об определенном лице за рубежом или обратиться в банк или органы опеки другой страны, то ему нужен профессиональный русский перевод ряда необходимых документов.

Транслитерация зарубежных терминов в большинстве случаев не решает задачи, так как не вносит ясности, и человек, не имеющий опыта в той или иной профессиональной сфере, может столкнуться с вполне определенной трудностью понимания переведенной информации. Таким образом, сама прагматическая цель и коммуникативная ситуация зачастую диктуют различные варианты адекватного перевода, например:

- absorption account – поглощающий счет;
- accept a bill for honor – акцептовать вексель для спасения кредита векселедателя;
- monetary accommodation – денежно-кредитное урегулирование;
- secured transactions – документально обеспеченная сделка;
- negotiable instruments – платёжные средства.

После изучения некоторых примеров, становится понятным, что данные терминологические сочетания лексических единиц приобретают дополнительное терминологическое значение в большинстве случаев. В таких случаях переводчик должен применять все свои знания в данной сфере для осуществления качественного перевода.

Таким образом, необходимо отметить, что при письменном переводе специалист сталкивается со следующими проблемами: без непосредственного контакта с предполагаемым заказчиком перевода специалисту переводчику следует определить возможное восприятие текста перевода заказчиком и, опираясь на эту оценку, принимать решения о возможности внесения в текст перевода тех или иных изменений.

After Wilson many courts assumed that exceptions to the knock and announce rule would need to be done on a case-by-case basis.

После решения по делу Уилсона многие суды предположили, что исключение к норме предварительного оповещения полицией перед проникновением в жилище с целью обыска, необходимо применять в случае индивидуального рассмотрения дел. (Добавление поясняющих фраз) Basically, a “suit in equity” enjoyed more procedural flexibility, didn’t have a jury...

В основном, «иск, рассматриваемый по нормам права справедливости», имел большую процессуальную гибкость и не рассматривался на процессе с участием присяжных... (Добавление поясняющих фраз) In New Mexico, the crime of burglary is defined by Section 30-16-3, which reads:

Burglary consists of the unauthorized entry of any vehicle, watercraft, aircraft, dwelling or other structure, movable or immovable, with intent to commit any felony or theft therein.

В Нью-Мексико преступление ночная кража со взломом определяется в Разделе 30-16-3, в котором говорится:

- Ночная кража со взломом заключается в несанкционированном проникновении в любое транспортное средство, судно, воздушного судно, жилое помещение или другое сооружение, движимое или недвижимое, с намерением совершить тяжкое уголовное преступление или кражу в нем.

Необходимо признать, что неточный перевод терминов сразу выявляется, особенно специалистами. Абсолютно точно должны быть

переведены термины, которые имеют устойчивые соответствия в языке перевода:

- the specific performance – исполнение в натуре;
- administration of law / justice – отправление права / правосудия;
- tipper – лицо, дающее внутреннюю информацию;
- legal personality – правосубъектность;
- skimming – преступление, при котором мошенники считывают данные вашей банковской карты во время того, как вы пользуетесь банкоматом;
- persuasive authority – убедительный прецедент.

Работая с самой разной методической литературой, связанной с проблемами перевода, можно утверждать, что переводческую компетенцию, возможно, следует трактовать как способность максимально полного и ясного понимания оригинального текста. А.Д. Швейцер определяет некоторые ее компоненты: «владение переводчиком двумя языками; умение переводить и интерпретировать исходный текст и владеть техникой перевода. Также необходимо знать нормы языкового перевода, переводческих норм, которые определяют выбор стратегии перевода. Кроме того, переводчику нужно иметь представление о нормах стиля и жанра текста и определенного минимума фоновых знаний, развивать творческие способности к переводу».

В сфере английской юридической документации также порой трудно точно и достоверно передать информацию на русском языке. Различия культурного, языкового плана, а также различие правовых и судебных систем естественно предусматривает, что переводчик умело использует знания специфики не только языка и юридической терминологии, но и юриспруденции, истории Англии, английской философской и политической мысли.

Официально-деловой стиль является довольно консервативным и самым устойчивым стилем не только в английском, но и в любом языке.

Придерживаться норм делового стиля является неременной обязанностью переводчика, в противном случае перевод юридических документов может носить искаженный характер, что повлечет за собой определенные проблемы.

Как мы выяснили, науке достаточно хорошо известен феномен метаязыка. Причем вопрос о метаязыке освещен не только в языкознании, но и в других областях знания, например, в философии. Однако стоит заметить, что исследования, связанные с углублением и качественным расширением знаний о метаязыке, продолжаются, выявляются новые, актуальные сведения о данном понятии. А уже полученные знания способствуют развитию и становлению других, новых областей знания, например, таких как юрислингвистика.

Проецируя знания о метаязыке как таковом в исследуемую нами сферу, можно в самом общем виде сформулировать определение метаязыка юрислингвистики как языка, служащего для описания явлений одноименной области знания.

Как и любой другой метаязык, метаязык юрислингвистики – «это язык «второго порядка», по отношению к которому естественный язык выступает как предмет исследования.

Действительно, предметом изучения юрислингвистики являются в первую очередь явления естественного языка, которые, находясь на стыке функциональных сфер языка и права, представляют не только особый интерес для специалистов, но и проблему для обычных людей, неспециалистов в области языкознания.

Согласно перечню характерных черт метаязыка, в понимании А. В. Иванова, приведенном в данной главе настоящей диссертации, следует, что метаязык юрислингвистики находится на стадии научного становления, так как он отвечает лишь некоторым из заявленных параметров. Так, считаем, что для аппарата юрислингвистики релевантными являются следующие характеристики:

терминологический аппарат юрислингвистики обладает следующими свойствами:

1) искусственность, т.е. для некоторых феноменов метаязыка юрислингвистики создаются новые терминологические единицы, например, инвектива, инвектор, инвектум, обценный, шкала юридикации, шкала инвективности и др.;

2) ограниченная направленность, т.е. лексемы, функционирующие в юрислингвистическом дискурсе, имеют узкую специализированную направленность, что, например, подтверждается транстерминологизацией некоторых терминов с приобретением новых оттенков значения, присущих только данной парадигме знания. Примером лексем подобного рода могут послужить такие, как экология языка, речевое хулиганство, призыв (как вид речевого акта) и др.;

3) абстрактность, т.е. денотативный слой терминологических единиц практически пуст и не соотносится в обыденном человеческом сознании с конкретными образами, например, аморальный, антоним, антропоним, интенция, конфликтогенный, концептуальный и пр.;

4) социальная психологичность, т.е. терминологические единицы, призванные зафиксировать в языке феномены юрислингвистики, отражают мировоззрение того социума, в рамках которого данная область знания функционирует, например, клевета, кража, ущерб, унижение, особо крупный/ крупный размер (о размере ущерба) и пр.;

5) фиксированность средствами графики (частично), т.е. метаязык юрислингвистики зафиксирован в письменной форме;

6) однозначность элементов структуры, т.е. терминологические единицы метаязыка юрислингвистики отражают точное, предназначенное для единичного явления, значение;

7) открытость, т.е. лексический пласт метаязыка юрислингвистики, являет собой пополняемую систему, так как имеет потенциал дальнейшего развития;

8) детерминированность, т.е. лексические единицы естественного языка стремятся к приобретению нового статуса и описания с учетом специфики юрислингвистического дискурса, например, кража, клевета, ущерб, оклеветать и пр.;

9) вариативность и национальная ориентированность, т.е. терминологические единицы имеют варианты употребления с учетом специфики научных школ и направлений, в которых они представлены, например, термины-дублиеты инвективный – обценный и др.;

10) преемственность / единообразие (частично), т.е. терминологические единицы метаязыка юрислингвистики при описании какого-либо языкового явления едины в рамках одной школы / направления.

Однако стоит отметить, что главнейшим параметрам – системности и универсальности (наличие гибкости и разнообразия средств выражения) – метаязык юрислингвистики пока не соответствует, что во многом осложняет его исследование, но не делает менее актуальным.

Доказательством данной точки зрения могут послужить следующие доводы: во-первых, не все понятия метаязыка юрислингвистики поддаются классификации, т.к. в нем были обнаружены лексические единицы, не реализующие никаких системно- семантических связей и не входящие в состав никаких терминологических гнезд, например, облигативный, ойколект, отвод, очерк, осмеяние, плагиат, патент и пр.; во-вторых, в настоящее время консолидированный словарь терминологической лексики метаязыка юрислингвистики отсутствует, хотя некоторыми учеными предпринимались неоднократные попытки к его созданию. Например, ассоциацией лингвистов-экспертов Юга России была предпринята попытка создания подобного словаря, который насчитывает всего лишь 154 лексические единицы, в то время как нами было выявлено свыше 1300 терминологических единиц метаязыка юрислингвистики.

Мнение О. С. Ахмановой о том, что метаязык лингвистики проявляет тенденцию распадаться на диалекты и даже идиолекты, применимо и к метаязыку юрислингвистики.

«Это ставит перед исследователями лингвистической терминологии сложную задачу последовательного и обоснованного отграничения терминов, которые уже могут считаться общепризнанными и поэтому должны включаться в словарь, с одной стороны, и таких терминов, которые не только не получили достаточного признания, но и вряд ли могут на такое признание рассчитывать, – с другой».

Данное свойство отражается в неустойчивости терминологических единиц (в первую очередь терминов), входящих в метаязык юрислингвистики. Безусловно, в метаязыке указанной прикладной дисциплины есть термины, которые по праву могут считаться общепризнанными (инвектива, обценный, призыв и др.) ввиду высокой степени их консолидированности. К лексемам данной группы, безусловно, относятся и собственно лингвистические (род, антоним, синоним, падеж, лексема, морфема и др.) и юридические (иск, отвод, суд, судопроизводство и пр.) терминологические единицы.

Однако функционирование терминов, не получивших достаточного признания в силу различных объективных, а порой и субъективных причин, является вопросом, требующим незамедлительного решения. Например, термины «инвектор» и «инвектум» не являются консолидированными, что становится весьма заметным при изучении специализированной литературы и текстов экспертиз.

Согласно исследованиям А. Тарского, нельзя отождествлять метаязык и язык теории, являющийся специализированным для воспроизведения неповторимости предмета своего исследования. Как отмечает ученый, метаязык – это составная часть языка теории, куда входит и сам язык-объект.

Метаязык отвечает не за предметное содержание, а за оценочное. Метаязык призван осуществлять рефлекссию по отношению к изучаемому объекту. На уровне метаязыка также изучается структура теории, ввиду невозможности четкого определения места того или иного понятия, не зафиксированного в языке-объекте.

Считаем, что и исследование метаязыка юрислингвистики отличается аналогичной спецификой. Действительно, разграничение объекта и субъекта в метаязыке юрислингвистики осложнено включением естественного языка как в первую, так и во вторую группу (объект-субъект).

Таким образом, для понимания метаязыка юрислингвистики в узком смысле предлагается следующая дефиниция: метаязык юрислингвистики – это язык второго порядка, служащий средством специального общения и обуславливающий профессиональную сферу деятельности, а также являющийся инструментом для описания явлений одноименной области знания, где предметом исследования является функционирование естественного языка через призму права.

Данное толкование метаязыка юрислингвистики отражает не только его местоположение в системе русского языка как характерную черту явления, но и его предназначение, функции. Надеемся, что данная дефиниция окажется полезной как для исследователей собственно метаязыка, так и для исследователей в области юрислингвистики.

Подводя итог сказанному, обратим внимание на то, что изучение метаязыка юрислингвистики представляет собой сложную проблему, обусловленную рядом факторов:

- во-первых, это низкий количественный уровень преимущественно терминологических исследований в области юрислингвистики;
- во-вторых, это малоизученность новой отрасли языкознания, проявляющаяся в том числе и как следствие влияния первого фактора;

- в-третьих, недостаточность числа специалистов, занимающихся вопросами данной области знания (на данный момент развития юрислингвистики известны лишь несколько авторитетных лингвистических ассоциаций, занимающихся исследованиями в данной сфере, среди которых стоит отметить Сибирскую и Московскую «школы», а также ассоциацию лингвистов-экспертов Юга России);

- в-четвертых, это несформировавшаяся методология юрислингвистики (юрислингвистика находится в стадии активного развития и научного становления).

Глава 4. Перевод юридических текстов с английского языка на русский

4.1. Метафора в юридическом дискурсе: приемы перевода

Под дискурсом понимается «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве».

Юридический дискурс – это нормативные тексты, научно- и учебно-правовые, тексты судопроизводства, юридические документы, речевое взаимодействие в рамках судопроизводства (речи судей, адвокатов, прокуроров, показания участников судебного процесса) и вне его.

В дидактике перевода выделяют также специальный дискурс, основанный на текстах по специальности. Это тексты, относящиеся к различным жанрам и стилям, но к определенной профессиональной деятельности.

Юридический дискурс – это дискурс аргументативного типа, характеризующийся высокой степенью ритуальности и жесткой композиционной структурой. Англоязычный юридический дискурс характеризуется коммуникацией в сфере права, включающей законодательную, судебную, исполнительную сферы, коммуникацию среди непрофессионалов и экспертов по другим специальностям, а также в сфере права европейского союза.

В настоящее время в лингвистике достаточно актуальным является изучение терминологии юридического дискурса. Но чтобы охарактеризовать юридический дискурс, сначала необходимо дать определение понятию с более широким значением: дискурс. Дискурс это «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическими планами».

В юридическом дискурсе используется специальная терминология. Терминология юридической науки – это термины, используемые в правовой доктрине (науке о праве). Сферой ее существования и фиксации является научная и учебная юридическая литература.

Терминологию юридического дискурса можно разделить на несколько подгрупп:

- 1) общезначимые термины (потерпевший/victim);
  - 2) специальные юридические термины (преюдиция / prejudice);
  - 3) специальные технические термины (транзакция / transaction)
- [9,с.56].

Так же юридические термины разделяются:

I) Исходя из научной сферы, термины могут быть специальнонеюридические (перевозка / conveyance, кибернетика / cybernetics) и специально-юридические (активное соучастие / active complicity, судимость / criminal record).

II) Исходя из специфики употребления термины могут быть общеправовые (право на защиту / right of defense), межотраслевые (правонарушение/ offence) и отраслевые.

Отраслевые термины, в свою очередь делятся на термины конституционного права (Конституционные гарантии /constitutional guarantee или constitutional protection, автономия личности / private autonomy), административного права (административное правонарушение / administrative infraction или administrative offence, монополистическая деятельность / monopolistic activity), гражданского права (виндикация / vindication, аффилированное лицо/ affiliated person), семейного права (брак / marriage, раздел имущества / division of property; separation of property), уголовного права (кража со взломом / burglary, вымогательство / blackmail) и других отраслей права.

III) По количеству значений они делятся на термины с одним значением (преступление / crime) и со значением более одного (залог / bail,

floating charge (в зависимости от типа права)). IV) В зависимости от глубины понятия, которое он обозначает можно выделить термины точного значения (вменяемость/ criminal capacity) и термины, выражающие оценочные понятия (право на гражданство / right to citizenship) V) В зависимости от времени использования юридические термины делятся на устоявшиеся (договор / contract) и новые (контртеррористическая организация/ counter-terrorist organization).

VI) В зависимости от глубины, отражаемого термином понятия можно выделить: термины родового значения (sentence) и термины видового значения (suspended sentence).

VII) В зависимости от наличия дефиниции обозначаемого термином понятия термины можно подразделить на дефинированные (местное самоуправление/ local self-government) и недефинированные (полевые условия (Статья 168.1ТК)).

VIII) В зависимости от использования юридического термина в контексте можно выделить контекстные (закон/law) и неконтекстные (преступление/crime) термины.

IX) В зависимости от территории возникновения юридические термины принято делить на русскоязычные («правило», «действие») и иностранные (акцепт / acceptance, vindикация / vindication, цессия/ cession) [6,с.73].

В теории переводоведения существуют рекомендации по переводу терминов, не имеющих устоявшихся эквивалентов в русском языке.

Если в языке перевода нет эквивалента иноязычному термину, то возможны четыре случая.

1) Материальное заимствование иноязычного термина с соблюдением определенных правил его транскрибирования или транслитерации и кратким толкованием (solicitor – солиситор).

2) Семантическое калькирование иноязычного термина, что возможно в том случае, если он появился в результате семантического переноса

(Grandfather clause -дедушкина оговорка). Granfathers clause-это принцип, по которому инвестор находится под защитой от изменения законодательства стороны, принимающей инвестиции или введения каких-либо международных санкций или торговых ограничений.

3) Пословный перевод, при котором необходимо учитывать тенденции терминологии в разных языках, например, возможность передачи некоторых английских терминов-словосочетаний русскими сложными терминами (Department of Justice / Министерство юстиции).

4) Перевод иноязычного термина с помощью описательного оборота. Описательный перевод используется для перевода термина-словосочетания *forum shopping* – «удачный суд» – процесс, при котором сторона судебного процесса старается подать дело в тот суд, где можно получить лучший исход».

В лингвистической литературе метафору относят к фундаментальному свойству языка, а метафорическую систему рассматривают как мощное средство понимания и осмысления действительности. Характерным для метафоры является ее полифункциональность и многозначность.

К функциям метафоры относят номинативную функцию (идентифицирующую, классифицирующую), когнитивную функцию, рассматривая ее как инструмент познания и категоризации человеком окружающей действительности, прагматическую (интеллектуального, эмоционального воздействия) и коммуникативную (средство передачи информации) функции.

Словесная метафора рассматривается как вторичная ономазиологическая функция слова. Метафорическое значение характеризуется прагматическим компонентом, расплывчатостью семантических границ, имплицитным характером содержания.

Особо подчеркивается контекстуально и ситуативно обусловленный характер семантики метафоры, так как вторичные переносные обозначения образуют некую семантическую область с вероятностной структурой.

Именно в речи учитываются конкретные условия номинации, совершается отбор, связанный с ситуацией общения. Переносное обозначение семантизируется по определенным правилам.

По особенностям их речевой семантики словесные метафоры относят к знакам остенсивной семантики. С позиций ономазиологической лексикологии метафору относят к транспозиционной номинации (термин В.П. Даниленко), или транспонированной номинации, заключающейся в отборе языковых средств на основе сходства обозначаемого явления с другим [3, с. 30].

Метафора отражает национально-культурные специфические особенности концептуализации действительности представителями различных лингвокультурных общностей. Являясь образным сравнением, «метафора поставляет мышлению список возможных альтернатив для разрешения проблемной ситуации. Для политического дискурса это оказывается настолько важным, что ошибки и неточности в переводе метафорических моделей могут существенно исказить коммуникативную установку автора» [11, с. 156].

Обращение к проблеме способов перевода метафоры в юридическом дискурсе обусловлено сложностью данного языкового явления, функционирующего в особой концептуальной зоне, и его перевода на ПЯ. Целью представленной работы является анализ и обобщение литературы по теории метафоры, юридического дискурса, теории перевода в аспекте возможных приемов и алгоритма перевода метафоры на ПЯ. Языковым материалом послужили примеры, извлеченные из текстов юридического дискурса методом сплошной выборки.

Многоплановость рассматриваемой коммуникации выражается в трех ее уровнях:

- публичное право и частное право;
- сфера государственного разделения властей (законодательная, исполнительная, судебная власть);

- непрофессионалы и эксперты в области права и других областях.

В свою очередь типы правовых текстов делятся на тексты законодательной сферы (закон, предписание, административное предписание, устав, решение, государственный договор и т. д.) и толкования законов (комментарий к закону, комментарий к приговору в специальной литературе, экспертиза);

- тексты отправления правосудия (обвинительное заключение, документы, подготовленные адвокатом в ходе процесса, речь в суде, протокол суда, повестка, протокольная запись в деле, акты, удостоверения, экспертизы, заявления, возражения, протест, присяга, иск, конституционная жалоба, завещание), судопроизводства (приговор суда, решение, постановление, распоряжение), правоохранительной деятельности (показания, решение, предписание, приказ об аресте, ордер на обыск, исполнительный лист, предписание о принудительном исполнении решения, порядок обеспечения, мировое соглашение);

- деятельность в сфере договорного права (договор, устав, регламент) и нотариального засвидетельствования (удостоверение, засвидетельствование, свидетельство, подтверждение, внесение (в реестр), завещание), а также научные труды по юриспруденции и в сфере образования (учебники, научные труды, комментарии к приговорам, юридическое заключение, словари по юриспруденции, обзор судебной практики, учебные тексты).

Современный английский язык права характеризуется простотой, точностью, ясностью изложения, основной целью которого является донести до адресата смысл правовой нормы, организованная дискуссия, поиск и принятие решения.

Юридическую метафору, функционирующую в профессиональной сфере деятельности и используемую как наиболее компактное средство выражения мысли, определяют как сложный когнитивный феномен [4, с. 6].

А.Ф. Черданцев характеризует метафору как «средство юридической техники, преследующей цели законодательной экономии» [12, с.44]. Это прежде всего лексика юридического дискурса, отражающая императивность и рекомендательность, это «лексемы, заимствованные из других профессиональных областей знания (профессионализмы, жаргонизмы) или из живого языка. Последние, как правило, имеют эмоционально-экспрессивную окрашенность, связанную с оценочными характеристиками социума, что позволяет юридической метафоре, с одной стороны, увеличивать свой семантический потенциал в рамках специального дискурса, а с другой – быть узнаваемой и понятной для большинства членов лингвокультурного сообщества» [4, с. 3].

Наряду с номинативной (образование юридических терминов), когнитивной (познавательной) функциями, функцией эмоционального воздействия, лингвистами выделяются аргументативная функция как средство убеждения в правильности выдвигаемых тезисов и постулатов, а также регулятивная, информативная, коммуникативная, интерпретационная, кумулятивная, кодовая [11, с. 536].

Структурно юридическая метафора характеризуется наличием лексемы профессионального дискурса и лексемы литературного дискурса.

Общеизвестно, адекватный перевод подразумевает передачу стиля ИТ на ПЯ, т. е. отбор лексико-грамматических средств, соответствующих функционально-коммуникативной направленности ИТ. Перевод метафоры «во многом зависит от того, насколько близки или далеки друг от друга культурно-речевые традиции ИЯ и ПЯ» [19, с. 168]. При передаче содержания на ПЯ необходимо учитывать регистр юридического дискурса. Каждый из регистров имеет различный допустимый уровень насыщенности метафорическими высказываниями в отдельно рассматриваемых языках. Перевод юридических текстов рассматривается как языковая деятельность, призванная обеспечить взаимопонимание,

объяснение с целью точного, объективного, полного воспроизведения ИТ и, как правило, с сохранением его функций.

К возможным способам передачи метафор на ПЯ относят: эквивалентные соответствия, вариативные соответствия, приемы стилистического преобразования (описательный перевод/деметафоризацию /неметафорическое объяснение, дословный перевод), трансформацию и кальку.

Возможен перевод метафорой с сохранением оригинального метафорического образа, кроме того, выделяют реметафоризацию, создание совершенно нового метафорического образа, замену расширенной метафоры другой стилистической фигурой – сравнением. К стратегии перевода метафоры можно отнести и анализ семантической составляющей метафоры в аспекте пересечения полей образности и семантики описываемого объекта, выявления причины сравнения и определения, является ли заданная область коннотативной или денотативной [2, с. 3].

Принципы лексической сочетаемости в языке перевода обуславливают перевод общепринятых метафор, в этом случае необходим подбор эквивалентных соответствий, например, legal entity – юридическое лицо, правовой вакуум – the legal vacuum, расторжение контрактов - termination of contracts, электронное правительство – e-government, правовое пространство – legal space, гражданское дело – civil case, бремя доказывания – burden of proof, утратить силу – lose the strength, законная сила – legal force, закрытое судебное заседание – closed court session.

Перевод авторских метафор – один из самых трудных аспектов перевода, адаптируемый под носителя ПЯ.

Интересным представляется применение теории концептуальной метафоры в обучении переводу. По мнению Л.В. Кульчицкой, «умение идентифицировать в языке рефлекс концептуальных метафор и группировать их, подводя под единое основание, каковыми являются

отдельные концептуальные метафоры, способствует эффективности запоминания не связанных между собой слов и выражений» [6, с. 119]. Перевод концептуальных метафор предполагает обращение к соотношению концептов в различных культурах.

Различия в способах концептуализации действительности и в объемах концептов определяют форенизирующую стратегию с целью бережного воспроизведения особенностей оригинала, по мнению Е.С. Лаврентьевой, «привнося иностранную реалию в язык перевода посредством её калькирования, транслитерации или транскрибирования» [7, с. 63].

Перевод метафоры обусловлен, во-первых, спецификой профессиональной деятельности, такими экстралингвистическими факторами, как социальный, культурный, ситуативный факторы. К стратегиям перевода юридической метафоры можно отнести: знание норм создания текстов юридического дискурса в ИЯ и ПЯ, жанровой специфики специального дискурса, коммуникативного задания автора, социокультурных аспектов межкультурного общения в сфере права, ситуаций общения.

4.2. Основные задачи и коллизии современной правовой лингвистики

Для установления узкого, специализированного понимания юрислингвистического термина необходимо рассмотреть данное понятие сквозь призму языковой семантики. Иначе говоря, сигнификат юрислингвистического термина должен получить ономаσιологическое обоснование.

Ономаσιологический подход предполагает описание лексики с точки зрения способов наименования словом каких-либо понятий.

Ономасиология отмечает значимость изучения мотивированности языковых единиц, так как именно в мотивировке слова аккумулируется весь понятийный объем, закрепленный за определенной номинацией. По отношению к юрислингвистическому термину было решено принять интегрированное толкование дефиниций «мотивированность слова», предложенных Н. Д. Голевым, И. Н. Кабановым и В. А. Звегинцевым.

В. А. Звегинцев в научных трудах, посвященных семасиологии, верно указал на то, что «мотивированность играет исключительно важную роль не только в становлении значений новых лексических единиц, но и в развитии, и функционировании их».

Н. Д. Голев пишет о том, что «мотивированность слова – это обусловленность его значения значением другого слова, от которого оно образовано».

И. Н. Кабанов, в свою очередь, говорит о мотивированности следующее: «Мотивированность слова – это отношение между значением слова с одной стороны и тем признаком, который явился основанием для данного наименования предмета или явления. Мотивированность слова показывает, почему данный предмет или явление получили данное название».

Под мотивированностью по отношению к юрислингвистическому термину будет пониматься способность номинации к иллюстрации ее содержания и объема, обусловленная осознанием ее репрезентативной знаковой формы. Мотивированность юрислингвистического термина прослеживается в его репрезентативной форме – слове, образованном путем сложения двух основ «юридический» и «лингвистический». Следовательно, для выявления его сигнификата возникает необходимость в уточнении понятий «юридический (термин)» и «лингвистический (термин)».

Из предисловия к словарю-справочнику лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой становится ясно, что под

лингвистическими терминами следует понимать термины и понятия общей лингвистики, русского языкознания, истории языка и диалектологии (например, «лексема», «падеж», «семантика» и др.).

В то же время как комментарии предисловие к словарю лингвистических терминов О. С. Ахмановой содержит в себе более глубокий подход к рассмотрению такой единицы языка, как лингвистический термин.

Таким образом, ядром сигнификата юрислингвистического термина выступает лингвистическое или юридическое понятие, отражающее реалии метаязыков лингвистики и юриспруденции, характеризующееся способностью отражать систему языка (уровни, разделы и т.п.) и наличием юридической силы (свойством документа быть подлинным доказательством фиксированной в нем информации).

В терминоведческой практике принято разделять термины прежде всего на две основные группы: общенаучные и узкоспециальные. В метаязыке юрислингвистики обе эти группы терминов представлены. Между общенаучными и узкоспециальными терминами наблюдаются процессы генерализации и спецификации релятивной семантики.

К общенаучным терминам юрислингвистики можно отнести такие, как: система, функционирование, категория, а к узкоспециальным – синоним, апатрид, инкриминировать и др.

Терминированная лексика, обнаруженная в ходе исследования, является показателем уровня сформированности и динамики развития юрислингвистической мысли в целом и терминологического инструментария юрислингвистики в частности. Функционирование данного типа лексики представляет особый интерес.

Если общенаучная лексика демонстрирует традиционное использование со свойственными ей значениями и синтаксическими ролями, то специализированная лексика может обладать некими

особенностями употребления, которые будут подробно рассмотрены и описаны в данной главе настоящей работы.

Общенаучные термины, используемые в юрлингвистической практике, не имеют качественно новых дефиниций, в то время как узкоспециальные термины могут иметь различные толкования, (информационно актуализированные с точки зрения юрлингвистики) ввиду принадлежности одного и того же термина к разным теориям/учениям/ концепциям и др.

Материалом исследования функционирования терминированной лексики метаязыка юрлингвистики послужили тексты научных статей/ докладов/ заметок и пр., где в ряде случаев в качестве иллюстративного материала привлечены материалы настоящих юрлингвистических экспертиз.

Как уже было сказано выше, функционирование общенаучной лексики и ее терминов не представляет собой особой проблемы, ввиду того, что данный тип лексики функционирует в привычном для нее режиме, выполняя свойственные ей роли и имея присущие ей значения. Например, рассмотрим функционирование термина общенаучной лексики «методика»: «... на этом этапе от юрлингвистики требуются накопление материала, первичные наблюдения и обобщения, постановка проблем и гипотез, первичная разработка методики их исследования».

«Нуждается в глубокой проработке и методика лингвистической экспертизы».

«Поэтому общая методика криминалистической фоноскопической экспертизы предусматривает использование инструментальных и лингвистических методов анализа устной речи на всех стадиях экспертного исследования».

«Значит ли это, что методика изучения устной и звучащей, устной и письменной речи с позиций эксперта-речевода также не имеет принципиальных различий?».

Из приведенных выше примеров употребления, иллюстрирующих функционирование общенаучного термина «методика», становится очевидно, что данная лексема реализует свойственные ей семантические связи и имеет значение совокупности форм методов или приемов осуществления определенного вида деятельности. Данное значение зафиксировано в словарных статьях не только толкового словаря, но и специализированного.

Так, например, Новый словарь методических терминов предлагает следующие толкования: «Методика 1. Педагогическая наука, теория обучения той или иной дисциплине. 2. Совокупность форм, методов и приемов работы учителя, т. е. «технология» профессионально-практической деятельности преподавателя. 3. ...».

Однако стоит обратить внимание на тот факт, что для юрислингвистического дискурса свойственно только второе значение из приведенных выше.

«Энциклопедия терминов, определений и пояснений строительных материалов» предлагает синонимичное толкование, что доказывает универсальность употребления данной лексемы в контекстах специализированного дискурса: «Методика – установленный способ осуществления деятельности».

Другим примером функционирования общенаучных терминов в контекстах юрислингвистики может послужить лексема «гипотеза»: «В основе работы лежит гипотеза о неизбежной вариативности интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка».

«... на этом этапе от юрислингвистики требуются накопление материала, первичные наблюдения и обобщения, постановка проблем и гипотез, первичная разработка методики их исследования».

«Итак, гипотеза относительно интерпретации концепта «закон» в зависимости от сферы его функционирования подтверждается в ходе анкетного опроса».

Из приведенных иллюстративных примеров функционирования общенаучного термина «гипотеза» становится ясно, что под ним подразумевается некое предположение, выдвигаемое на защиту, а в тексте, взятом из сборника «Юрислингвистика-7», данное суждение подтверждается тем, что первоначально в отрывке статьи выдвигается предположение относительно концепта «закон», и только ниже отмечается, что это была гипотеза.

Еще одним примером, доказывающим нормированное употребление единиц общенаучной лексики, может послужить термин «синтез». Во всех контекстах употребления (в том числе и тех, не приведенных в данной научно-исследовательской работе, но существующих в юрислингвистическом дискурсе) лексема «синтез» имеет значение «соединение».

Общенаучная лексика – это сформированный пласт языка, где все его единицы строго фиксированы. Об этом свидетельствуют приведенные нами примеры, демонстрируя нормированное употребление ее терминов «без сдвигов» и какого-либо рода адаптации применительно к юрислингвистическому дискурсу.

Результат контрастивного анализа данных дефиниций является доказательством наличия важнейшего свойства общенаучной лексики – универсальности употребления с присущими ему значениями независимо от того, в контексте какого специального дискурса функционирует данная лексема.

Далее обратим внимание на менее терминированный пласт языка, представленный предтерминами. Функционирование данного типа лексики представляет особый научный интерес. Если общенаучная лексика демонстрирует традиционное использование со свойственными ей значениями и синтаксическими ролями, то специализированная лексика может обладать специфическими и вполне определенными особенностями употребления, которые будут подробно рассмотрены и описаны ниже.

Образуя обособленную группу терминов, указанные лексемы непосредственно отражают круг проблем, решаемых юрислингвистикой. Например, лексемы «оскорбить», «оскорбительный», «бранный», «непристойный», «порочить», «порочащий» и другие являются отражением разработки методологии в аспекте лингвистических экспертиз, направленных на защиту чести и достоинства граждан. Многие из таких предтерминов не имеют консолидированных специализированных дефиниций, что существенно затрудняет профессиональное общение специалистов данной предметной области. Нами было обнаружено, что данная группа терминологических элементов насчитывает 9% от общего количества терминологических единиц, составляющих общий корпус настоящего исследования.

К сегодняшнему дню в развитии юрислингвистики принимает участие уже достаточно большое количество ученых, в том числе и молодых, активно способствующих ее научному становлению. Перед ними стоит задача совершенствовать уже существующие знания и научные факты, а также добывать новые. Одной из актуальных проблем на современном этапе становления молодой отрасли языкознания является решение вопроса, связанного с функционированием ее специального языка.

Изучая метаязыковую семантику лексем ущерб, утрата, убытки, потери, приходим к заключению, что в каждой из них есть некое проявление понятия «вред», его модификация интерпретационно дифференцируется лишь по возможности верификации, а именно: если необходимо подчеркнуть ответственность за причинение вреда, то следует использовать термин «ущерб»; если коммуниканту необходимо подчеркнуть нанесенный вред, который можно выразить в денежном эквиваленте, то ему следует использовать термин «убытки»; в случае, если вред нельзя выразить в определенном количестве денежных единиц, то необходимо использовать термины «потери» и «утрата», однако и у данных двух лексем есть признак, позволяющий их

дифференцировать: если объект ранее обладал чем-либо, а затем потерял такую возможность, значит, он испытал «потерю», а в случае если объект не обладал чем-либо, а лишь имел такую возможность и потерял ее, то тогда следует говорить, что он испытал «утрату».

Рассмотрим функционирование некоторых терминологических единиц из числа тех, о которых речь шла прежде. Для начала обратимся к термину «ущерб».

«Для юристов очевидна практическая сложность такой защиты: массовость явления, по отношению к которой сверхсложно осуществить принцип неотвратимости наказания, отсутствие явных признаков ущерба, трудность его доказательства – все это заставляет юристов отодвигать решение вопросов речевой агрессии и языковой экологии в далекое будущее». «... употребление языковых средств, наносящих ущерб партнеру по коммуникации (слов с негативным оценочным значением, инвективной лексики)...».

«Исходя из лингвистического анализа статьи можно сделать заключение о том, что она содержит негативную информацию о Сергее Гаркавом, создает его образ как человека, нарушающего общепринятые моральные нормы, и тем самым может нанести ущерб его достоинству, доброму имени и деловой репутации».

Проанализировав семантические свойства термина «ущерб» в юрислингвистических дискурсах, приходим к заключению, что данный термин употреблен именно в том значении, о котором писал А. Н. Баранов, а именно: «материальный или нематериальный вред, за который кто-то несет ответственность». В то же время среди приведенных контекстов употребления встречается также терминологическое сочетание «моральный ущерб». В данном понятии также отражена идея морального вреда, однако определение рамок данного понятия, границ – это вопрос, который требует дальнейшего рассмотрения, так как категория

«моральности» – это проблема, освященная в ряде работ, заслуживающая отдельного внимания.

По сложившейся традиции под терминологическим сочетанием «моральный ущерб» принято понимать «нравственные или физические страдания, причиненные гражданину бездействием или противоправными действиями». Данное толкование стало возможным посредством апелляции к понятию «моральный вред», зафиксированному в ст. 151 ГК РФ, а именно: «под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания, которые могут быть причинены гражданину нарушением его прав» [ст. 151 УК РФ].

В Постановлении Пленума Верховного суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» также говорится, что «под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина».

Еще одним примером функционирования проблемной терминированной юридизированной лексики в дискурсе юрислингвистики может послужить лексема «тайна» и ее гипонимы «личная тайна», «семейная тайна». «Информационная политика государства определяется прежде всего способом решения двух основных задач. Первая из них состоит в установлении равновесия между правом всех членов социума на получение информации и необходимостью ограничить доступ к

сведениям, составляющим «государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну».

«В частности, к криминальным конфликтам в сфере языковой коммуникации следует отнести составы преступлений, предусмотренные ст. 129 УК РФ «Клевета», ст. 130 УК РФ «Оскорбление», ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления», ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну» и т.п.».

«В ст. 137 УК РФ имеется формулировка о причинении вреда в случае незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну».

«Однако считается ли законодателем и правоприменителем сведение о национальности личной или семейной тайной гражданина, распространение которой подходит под статью о нарушении тайны частной жизни? Ответ на этот вопрос находится вне компетенции лингвистов-экспертов».

«В речевых преступлениях нарушаются фундаментальные, конституционные права личности – на честь, достоинство и деловую репутацию, на доброе имя и личную тайну (так называемая диффамация)...».

На сегодняшний день юридические понятия «личная тайна» и «семейная тайна» являются малоизученными. Фигурируя исключительно в текстах юридической направленности, данные понятия трактуются следующим образом: «к сведениям, составляющим личную или семейную тайну, относятся не подлежащие оглашению данные, по мнению лица, которого эти сведения касаются. В то же время не могут составлять тайну сведения, ранее уже опубликованные тем или иным способом».

Также в комментарии к ст. 23 Конституции РФ говорится о том, что же может составлять личную тайну, а именно: «право на частную жизнь выражается в свободе общения между людьми на неформальной основе в

сферах семейной жизни, родственных и дружеских связей, интимных и других личных отношений. Образ мыслей, мировоззрение, увлечения и творчество также относятся к проявлениям частной жизни». Также в данном комментарии говорится и о том, что «право на неприкосновенность частной жизни — понятие многогранное.

Традиционны пространственная и вербально-чувственная формы выражения частной жизни. Пространственная включает в себя ограничение на вторжение в жилище, на рабочее место, свободу общения в общественных местах без наблюдения со стороны. Вербально-чувственная предполагает недопустимость вторжения в интимную жизнь, семейно-нравственные отношения». Однако такие юридические примечания к интерпретации законов РФ содержат больше вопросов, чем ответов.

Например, на вопрос «что составляет личную или семейную тайну» дается весьма неконкретный ответ, в котором говорится о том, что личная или семейная тайна – это сведения, не подлежащие оглашению «по мнению лица» [ст.137 УК РФ]. А что если такое «лицо», по его мнению, считает недопустимым оглашение информации о правонарушении? Не будет ли такое мнение трактоваться как преступление, т.е. будет ли оно по праву считаться «личной/ семейной тайной» или все же это уже будет правонарушение? С точки зрения толкования слов в комментарии к ст.137

УК РФ (лингвистической позиции) – да, оно будет признано личной или семейной тайной, но на деле, скорее, такого не произойдет. (Однако стоит отметить, что данный вопрос находится за пределами компетенции лингвиста). Информация, содержащаяся в комментарии к ст.23 Конституции РФ, также не дает ответа на данный вопрос, хотя подходит к определению личной и семейной тайны более конкретизировано, ограничивая его вербально-чувственными и пространственными рамками. Но все же данные интерпретации понятий «личная тайна» и «семейная тайна» не дают четкого представления об объеме их понятия, поэтому на современном этапе данные термины являются словами с не

вполне проясненной метаязыковой семантикой и широко вариативным функционированием.

Отсутствие четких, полных, адекватных и консолидированных дефиниций понятий «личная тайна» и «семейная тайна» препятствует однозначной интерпретации истинного смысла как их самих непосредственно, так и самой ст. 137 УК ФР в целом.

Обеспечивая профессиональное общение, данные единицы играют большую роль в понятийном аппарате использующих их специалистов. По этой причине мы считаем необходимым взять в разработку вопрос функционирования не только устоявшихся терминологических единиц, но и предтерминов, детальная интерпретация которых будет проведена во 2 главе дипломной работы.

Заключение

В заключении подведем итог. Перевод - это сложный процесс передачи информации с одного языка на другой. Главной проблемой является передача смысла оригинала текста, который хотел донести автор своему читателю. Это не всегда легко выполнить, так как не все понятия, существующие в языке оригинала, содержатся в языке перевода.

Рассмотрение проблемы перевода в рамках лингвистики на сегодняшний день является особенно актуальным. Все большей популярностью пользуются интеллектуальные системы перевода. Перевод сегодня не совершенен и при работе с ним возникают различные проблемы. Поэтому, на наш взгляд, необходимо более подробное исследование этой проблемы в других аспектах, в частности в психолингвистическом, с целью обнаружения и разрешения данных трудностей.

Изучение проблем переводоведения с точки зрения традиционных подходов достигло значительных успехов. Однако наличие ряда вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения, а также популярность исследований интегративного характера на современном этапе развития лингвистической науки обусловило специфику цели и задач нашей работы.

Многие специалисты, которые ведут исследования в разных областях науки, имеют дело с проблемами переводоведения.

Безусловно, процесс перевода является творческим и не соответствует строгим аналитическим правилам какой-либо из моделей, тем не менее, знание этих моделей может в значительной степени облегчить переводчику решение трудных переводческих задач.

В ходе изысканий в области переводоведения были сформированы ситуативно-денотативная и трансформационно-семантическая модели перевода.

Ситуативно-денотативная модель перевода описывает переводческий процесс как отождествление переводчиком языковых единиц текста оригинала с известными ему языковыми единицами переводного текста, интерпретацию их значения в контексте, соотношение описываемых в действительности реалий.

Трансформационно-семантическая модель заключается в анализе и упрощении исходных синтаксических структур ИЯ, переходе к ядерным структурам и семантическим компонентам ПЯ, а также реструктурирование, т.е. трансформация на ПЯ с ядерного уровня в окончательные структуры и единицы оригинала.

Вне зависимости от выбранной модели перевода, необходимо, прежде всего, подходить к переводческим задачам с лингвистической точки зрения, поскольку «глубокое понимание различий в структуре двух языков только и может по-настоящему гарантировать переводчика любых подлинников, как от смысловых ошибок, так и от буквализма, ведущего к насилию над языком перевода». Ведь перевод юридического текста требует не только лишь досконального знания языков, но еще и умения искусно передать образы оригинала в «созвучности» с автором.

Переводческие трансформации – это технические приемы перевода, которые заключаются в замене регулярных соответствий контекстуальными соответствиями, а также сами семантические конструкции, получаемые в результате таких приемов.

Ученые-лингвисты внесли огромный вклад в исследование переводческих трансформаций, благодаря чему на сегодняшний день существует несколько классификаций

На данный момент проводится большое количество различных лингвистических (лингвокриминалистических/ юрислингвистических) экспертиз, в которых эксперты, выполняющие исследование и дающие заключение, и представители различных общественных структур, впоследствии оперирующие заключениями лингвистов-экспертов,

неизбежно прибегают к использованию терминов – основной специализированной информационной части метаязыка.

Как мы выяснили, науке достаточно хорошо известен феномен метаязыка. Причем вопрос о метаязыке освещен не только в языкознании, но и в других областях знания, например, в философии. Однако стоит заметить, что исследования, связанные с углублением и качественным расширением знаний о метаязыке, продолжаются, выявляются новые, актуальные сведения о данном понятии. А уже полученные знания способствуют развитию и становлению других, новых областей знания, например, таких как юрислингвистика.

В процессе перевода того или иного текста переводчик должен успешно решить конкретную профессиональную задачу. Прежде всего необходимо точно определить назначение документа для перевода, т. е. определить прагматическую цель. Например, когда тому или иному заявителю необходимо сделать запрос об определенном лице за рубежом или обратиться в банк или органы опеки другой страны, то ему нужен профессиональный русский перевод ряда необходимых документов.

Транслитерация зарубежных терминов в большинстве случаев не решает задачи, так как не вносит ясности, и человек, не имеющий опыта в той или иной профессиональной сфере, может столкнуться с вполне определенной трудностью понимания переведенной информации.

Список использованной литературы

1. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику, Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003
2. Алексеева И.С. Транслатологические типы текста. Опыт классификации. Ч. II // Вестник Санкт-Петербургского университета, вып. 3, 2008
3. Анохин Д.А. Особенности англо-русского перевода в юридической сфере / Д. А. Анохин, Е. Б. Севостьянова. // Молодой ученый, № 4, 2019
4. Атабекова А.А. Юридический перевод в междисциплинарном контексте, М., 2018
5. Барабаш О.В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы // Вестник Пензенского государственного университета, №2(6), 2014
6. Борисова Л.А. Перевод в сфере юриспруденции, Воронеж, 2007
7. Бородина А.В. Лингво-дискурсивные аспекты юридического текста как объект предпереводческого анализа // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, №4, 2018
8. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности, М., 2004
9. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург, 2015
10. Караулова Ю. А., Практикум по юридическому переводу, М.: МГИМО, 2003
11. Киндеркнехт А.С. Особенности перевода юридических текстов // Ученые записки Орловского государственного университета, №5, 2015
12. Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2005
13. Петрова О.В и Ланчиков В.К. Сколько гитик умеет перевод. Об одной концепции переводческих стратегий // Мосты. Журнал переводчиков, №1, 2017.

14. Теория перевода. Курс лекций, под редакцией Г.Н. Ермоленко, М. 2007
15. Теория и практика устного и письменного юридического перевода, Старосельская Н., Резник И., Федотова И., Толстенко Г., 2008 г.
16. Томсон Г.В. Юрислингвистика. Особенности перевода текстов нормативных актов. Электронный научный журнал «Современные исследования социальных проблем», М., 2015.
17. Шлепнев Д.Н. Юридический дискурс с точки зрения переводчика: рабочая переводческая типология //Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, №2, 2018.
18. Шугрина Е.С. Техника юридического письма. М., 2001.
19. Феклистова, Д. П. Сравнительный анализ европейской, американской и российской моделей становления института государственных закупок // Молодой ученый, № 7, 2017.
20. Ванслав М.В. Особенности перевода деловых писем и контрактов – Челябинск: Два комсомольца, 2013. – 98 с.
21. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – URL: <http://slovari.299.ru> – (дата обращения: 16.02.2021).
22. Галеева Т. И., Казиахмедова С. Х., Янова Е.А. Актуальные требования к адекватному переводу официально-делового текста – [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/aktualnye-trebovaniya-k-adekvatnomuperevodu-ofitsialno-delovogo-teksta>.
23. Замуруева Н.А. Жанровые особенности официально-делового стиля речи [Электронный ресурс] // Уч. зап. Орловского гос. ун-ета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — Вып. № 3-2. — 121 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zhanrovye-osobennosti-ofitsialnodelovogo-stilya-rechi/>
24. Исмаилова Л.Р. Грамматические особенности перевода деловой корреспонденции [Электронный ресурс] – URL – <https://cyberleninka.ru/article/v/grammaticheskie-osobennosti-perevoda->

[delovoykorrespondentsii-](#) na-materiale-delovyh-pisem-na-angliyskom-i-russkom-yazykah.

25. Коляда Н.А. Место перевода в межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] – URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/lin_2013_6_18.

26. Кулемина К.В. Основные виды переводческих трансформаций [Электронный ресурс] – URL – <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-vidyperevodcheskih-transformatsiy>.

27. Культура устной и письменной речи делового человека Справочник. Практикум. – 4-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2000.

28. Лазарев В.А. Особенности перевода официально-деловой документации [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennostiperevoda-ofitsialno-delovoy-dokumentatsii>.

29. Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: <http://минобрнауки.рф/проекты/5-100>.

30. Национальный исследовательский технологический институт [Электронный ресурс] – URL: <http://misis.ru/university/5top100/about/>.

31. Пестова М.С. Особенности перевода текстов официально-делового стиля [Электронный ресурс] – URL: <http://www.twirpx.com/file/1117258/>.

32. Ярмухамедова Ф.М. О лексических особенностях официально-делового стиля: на материале англоязычных контрактов [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-leksicheskikh-osobennostyah-ofitsialnodelovogo-stilya-na-materiale-angloyazychnyh-kontraktov>.

33. Губаева Т. В. Грамматико-стилистические особенности юридических текстов (процессуальные документы): дис. ... канд. филол. наук. Казань. 1984.

34. Дубровская Т. В Судебный дискурс: речевое поведение судьи: дис. ... д-ра. филол. наук. Саратов, 2010.

35. Зайцева И. Д. Дискурсивные признаки жанра постановления (на материале русских текстов правового дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
36. Ильющенин Т. А. Системное описание глагольной терминологической номинации в учебном компьютерном дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
37. Кабаченко Е. Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007.
38. Крапивкина О. А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Иркутск, 2011.
39. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.
40. Лутцева М. В. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (лингвостатическое исследование на материале произведений Дж. Гришема): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2008.
41. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1998.
42. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования: дисс. ... д-ра филолог. наук. Омск: 2011.
43. Малюкова Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: дис. канд. филол. наук. Бийск, 2005.
44. Мартышко Н.Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2015.
45. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал.: автореф. дис. д-ра фил. наук. Томск: 2012.

46. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал.: дис. д-ра фил. наук. Томск: 2012.
47. Осадчий М.А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2012.
48. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2012.
49. Сандалова Н. В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.
50. Сулова С. И. Тайна в праве России. Цивилистический аспект: дис.канд. юрид. наук. Иркутск, 2003.
51. Тютюнова О. Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса : на материале немецких и русских телевизионных передач: дис. ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2008.
52. Филатова Н.В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2014.
53. Шпаковская Е. Е. Нормативный аспект научно-учебного юридического текста: дис. канд. филол. наук. Челябинск. 2000.